

INSPIRIA.

ФРАНСУАЗА
БУРДЕН
ПЛАМЯ
И
КРОВЬ

INSPIRIA

Novel. Чистая эмоция. Романы Франсуазы Бурден

Франсуаза Бурден

Пламя и кровь

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Бурден Ф.

Пламя и кровь / Ф. Бурден — «Эксмо», 2013 — (Novel. Чистая эмоция. Романы Франсуазы Бурден)

ISBN 978-5-04-178087-6

Затишье не будет долгим. Соперничество или любовь – что выберешь ты? Кейт и Скотт наконец счастливы, они стали родителями. Никогда ранее жизнь не казалась такой полной. Но происходит череда событий, которая переворачивает все вверх дном. В канун Рождества у Ангуса, отца Скотта и патриарха семейства, случается сердечный приступ, он умирает. Вопрос о наследстве встает как никогда остро. Распри среди членов семьи в особняке Джиллеспи лишь усугубляет роковой сюрприз, который им оставил покойный. Когда ставки велики, проигравший теряет все. Скотт и Кейт обязаны рискнуть, но они могут потерять в этом соперничестве очень многое, даже друг друга. «Франсуаза Бурден владеет искусством рассказывать истории, которые даже в мельчайших нюансах отражают реальную жизнь». – L'Est Républicain «Франсуаза Бурден завораживает своим писательским талантом». – L'Obs

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-178087-6

© Бурден Ф., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

1	6
2	18
3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Франсуаза Бурден

Пламя и кровь

Françoise Bourdin

À FEU ET À SANG

© Belfond, un département de Place des Editeurs, 2014

© Рац Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1

Кейт на цыпочках вышла из детской: близнецы наконец заснули. Как всегда, она прочитала им сказку при свете ночника, сидя на ковре между двумя кроватками. Чаще всего первой засыпала Ханна, а Люк – спустя несколько минут.

Она вернулась на кухню и увидела, что Скотт уже стоит за разделочным столом. Аккуратно нарезаая картошку кружочками и бросая их на сковородку, он не заметил, как она вошла. Если он рано возвращался домой, то с удовольствием занимался ужином или купал близнецов.

– Налить тебе вина? – предложила Кейт.

Жить со Скоттом, быть его женой и матерью его детей – все это наполняло ее счастьем, которому она до сих пор не могла поверить. Ей казалось невероятным, что этот мужчина, о котором она еще девочкой столько мечтала, ни на что не надеясь, мог страстно влюбиться в нее и просить стать его женой.

Обернувшись, он с улыбкой кивнул, а пока она наполняла бокалы шардоне, сообщил:

– Я приготовил салат и запек в духовке утиные окорочка. Как видишь, я вполне могу справиться.

– Может быть, и все-таки мне ужасно не хочется оставлять тебя одного.

– Всего на три дня, Кейт! Ничего страшного не случится ни со мной, ни с детьми.

Темно-синие глаза, правильные черты лица и высокая, стройная фигура делали Скотта неотразимым. Он все еще был похож на того юношу, которого она впервые увидела десять лет назад, только приехав в Шотландию. Кейт с первого взгляда попала под его обаяние, тем более что он относился очень тепло к растерянной девочке-подростку, которую ему неожиданно навязали вместе с ее братьями.

– На нашу няню вполне можно положиться, дорогая. И я постараюсь быть дома как можно больше.

Кейт знала, что он очень занят; управление двумя винокурнями не оставляло ему времени ни на что другое. Но она не сомневалась – он сделает все возможное, чтобы вырваться домой. Скотт обожал близнецов и к тому же никогда не давал легкомысленных обещаний.

– Поезжай спокойно, Кейт. Повидаешь Францию!

Ей надо бы радоваться, но радости не было. На эту поездку ее уговорил Скотт, уверенный, что она мечтает о ней, но на самом деле Кейт совсем не скучала ни по Франции, ни по своему брату Джону, хотя и считала вполне естественным отозваться на его просьбу о помощи.

– Почему Джон не поговорил с Джорджем или с Филипом? – спросила она уже в который раз. – С ними он был гораздо ближе, чем со мной.

– Наверняка боялся, что они его осудят.

– Скажи лучше, что он считает их предателями, потому что они тоже остались в Шотландии!

– Ты самая добрая в семье, и Джон прекрасно это понимает. Он постарается тебя разжалобить, не слишком ему поддавайся.

Он приподнял крышку над сковородкой, но она выскользнула и с грохотом упала на плиточный пол. На мгновение оба задержали дыхание. Через несколько секунд в детской поднялся плач.

– Ой, прости, – пробормотал Скотт.

– Лишний повод напомнить тебе, что нам здесь тесновато, – с улыбкой ответила она.

– Кейт!

Стараясь сдержать досаду, он посмотрел ей прямо в глаза и покачал головой.

– Если это для тебя так важно, давай поговорим, – сказал он, сдаваясь. – Но сначала я зайду к детям.

Разговор о том, что квартира стало для них мала, возникал постоянно. Скотт предлагал продать ее и найти более просторную, но Кейт думала о другом. Она мечтала вернуться в Джиллеспи, считая его идеальным местом для детей. Скотт там родился и обожал родной дом – элегантный викторианский особняк, расположенный между морем и холмами, однако он и слышать не хотел о том, чтобы жить в нем вместе со своей тещей. Это была запрещенная тема, и стоило жене намекнуть на такой вариант, как она словно наталкивалась на глухую стену. Это была их первая размолвка, но очень серьезная. В глазах Кейт возвращение туда сулило одни выгоды. Океан в двух шагах, бескрайняя равнина до самого горизонта, просторный дом, в котором каждый мог чувствовать себя независимо, и особенно окружение семьи с отцом Скотта, матерью Кейт, обожаемой тетей Мойрой и незаменимым кузеном Дэвидом. Вся эта родня, которая предпочтительнее любой няни, создала бы вокруг детей защитную стену, а Кейт смогла бы найти работу преподавателя. Несмотря на рождение близнецов, она не бросила учебу и даже успешно закончила университет: Скотт сделал все, чтобы облегчить ей эту задачу. У нее были сложные периоды, но все-таки она получила диплом, и теперь хотела преподавать сама. Скотт был согласен, он во всем был с ней согласен, за исключением возвращения в Джиллеспи. Это было тем более абсурдно, что он сам очень страдал от того, что не жил дома. Это слово, которое он произносил, не задумываясь, говоря об имении своих предков, выдавало его привязанность к семейным корням. Увы, его разногласия с Амели, матерью Кейт, не оставляли никакой надежды на то, что он передумает.

– Они заснули, – прошептал Скотт, вернувшись из детской.

Он тщательно закрыл кухонную дверь и улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой, перед которой было просто невозможно устоять.

– Они просыпаются от малейшего шума, но мы не можем все время ходить на цыпочках и говорить шепотом, – заметила Кейт.

– Это холостяцкая квартира, дорогая. Почему ты не хочешь просто найти другую? Грэм подыскал бы нам жилье попросторнее и более подходящее для семейной жизни.

Он говорил о своем лучшем друге, который занимался наследственными делами и недвижимостью. Благодаря ему несколько лет назад Скотт приобрел эту удобную трехкомнатную квартиру, правда, с крохотной кухней, в самом центре Глазго. Гостиная, когда-то просторная, теперь была забита игрушками, манежем, двухместной коляской и детскими стульчиками. Большая из двух спален была сразу отведена близнецам, и Кейт, не имея возможности поставить письменный стол в супружеской спальне, была вынуждена подолгу сидеть в университетской библиотеке.

– Мне не очень хочется снова жить в квартире, – возразила она. – Другая обойдется дороже, и по-прежнему придется платить няне...

Скотт обнял ее за плечи и прижал к себе.

– Здесь мы, по крайней мере, сами воспитываем своих детей. Не хочу, чтобы этим занималась твоя мама.

– Ты ее не любишь, я знаю, но...

– И это взаимно, не правда ли? Она относится ко мне как к врагу, воображает, что *заставила* меня жениться на тебе, хотя тогда я все отдал бы за то, чтобы ты сказала «да»! Каждый раз, когда мы приезжаем туда, у нас возникают конфликты из-за близнецов, по ее мнению, я все делаю неправильно. Не сомневаюсь, что так и буду у нее в немилости, а ведь моего отца очень расстраивает эта ситуация. Неужели ты хочешь, чтобы он наблюдал это ежедневно? Да, Джиллеспи – моя мечта, никто не любит его так, как я, и это *мой дом*, но я дорожу своей независимостью. Нашей независимостью.

– У тебя ужасный характер, – вздохнула Кейт. Она чувствовала, что ее слова несправедливы, потому что с ней Скотт был всегда нежен. Но его снисходительность не распространялась на других, которым он мог казаться высокомерным и обидчивым.

– Утка пересушится, – коротко бросил он, выключая духовку.

Его пиджак и галстук за неимением спинки стула висели на ручке двери, потому что у них было только два табурета и одноногий столик, который заменял обеденный. И хотя сейчас Скотт с расстегнутым воротом рубашки, заботливо раскладывая картошку на тарелках, выглядел очень привлекательным, Кейт решила не уступать.

– Скотт, ты только что спросил меня, и я тебе честно скажу: да, для меня это очень важно. У моей матери много недостатков, готова это признать, но она не может быть препятствием. Наоборот. Она любит детей, она одна вырастила четверых...

– Но предпочитает тебе братьев! Если мы доверим ей близнецов, она поставит на первое место Люка в ущерб Ханне.

– Она в Джиллсепи не одна. Твой отец и Мойра будут опекать их обоих. Ты обожал детство, проведенное там, почему же хочешь лишиться этого своих детей? Мы здесь задыхаемся! И не только в этой квартире, но вообще в Глазго, где нечем дышать! Представь, какую радость они бы испытывали, если бы могли бегать повсюду!

Чувствуя, что сейчас вспылит, Кейт продолжила более спокойным тоном:

– К тому же, любимый, тебе будет проще добираться до винокурен, будь то Гринок или Инверкип.

– А ты? Если тебе удастся найти работу в Глазго, то будешь полностью зависеть от машины.

– Я не буду работать каждый день, у школьников много каникул.

Расстроенная очередной размолвкой, она примирительно улыбнулась.

– Ты можешь хотя бы подумать об этом, а не отвергать мои предложения с ходу?

– Обещаю.

Он ответил слишком поспешно, чтобы убедить ее в своей искренности.

– Вообще-то, я не думаю, что буду искать работу перед началом учебного года, – призналась Кейт. – Я недостаточно занималась близнецами из-за этого чертового диплома и теперь хочу проводить с ними больше времени. Если наше финансовое положение позволит, мне хотелось бы несколько месяцев передохнуть.

Скотт перестал есть и посмотрел ей прямо в глаза.

– Кейт... Я много раз говорил, что решение – работать или нет – остается за тобой. Академический отпуск на год пойдет тебе на пользу, и мы не бедствуем, насколько я знаю. Кроме того, я не держу в секрете свои банковские счета, ты всегда можешь быть в курсе, даже не спрашивая меня.

Скотт оформил на Кейт доверенность, по которой она могла пользоваться его счетами, но ей все еще было неловко тратить деньги мужа. Она не хотела подражать своей матери, которая никогда не работала и всегда жила на иждивении своего супруга.

– Ярываюсь между желанием работать и стремлением посвятить себя детям.

– Правда? А может, ты просто... давишь на меня?

– На тебя? Нет, ты слишком упрям, это бесполезно.

– Будь честна со мной.

– Я всегда честна с тобой, Скотт! Но каждый раз, когда мы заговариваем о Джиллсепи, ты не хочешь ничего слышать. Но для меня это было бы идеальным решением. Боюсь, что скоро дети начнут называть няню «мамой». Доверив их родным, я буду чувствовать себя спокойнее и свободнее.

– А я – напряженнее.

– Тогда мы в тупике.

Кейт казалось, что это очевидно для них обоих, но Скотт на секунду застыл.

– Я не хочу никаких размолвок между нами, – медленно произнес он, – и действительно подумаю об этом, когда ты будешь в Париже.

Был ли он раздражен ее настойчивостью или его беспокоили их разногласия? До сих пор между ними, безумно влюбленными друг в друга и совершенно счастливыми, с появлением на свет близнецов царил полная гармония. Скотт был на девять лет старше Кейт; он дорожил ею, помогал, предупреждал все ее желания и с их первой ночи, казалось, думал только о том, как сделать ее счастливой. Значит, всего этого было недостаточно для того, чтобы она отказалась от мысли поселиться в Джиллеспии?

– Я подтвердил твою бронь, – сказал он, чтобы сменить тему. – Отель «Одеон» находится в самом центре старого квартала, в котором ты жила, тебе там понравится.

Прогулки к Сен-Жермен-де-Пре и в Люксембургском саду обязательно напомнили бы ей о детстве, но сегодня эти далекие воспоминания мало трогали Кейт. В двенадцать лет она думала, что счастлива в Париже. Потом ее родители развелись. И ее мать чуть ли не сразу вышла замуж за Ангуса Джиллеспии, шотландца, находящегося проездом во Франции. Три месяца спустя Кейт с тремя братьями летела на самолете в Глазго. Это была ужасающая перемена в жизни, и только дружелюбие Скотта скрашивало ее существование. Мысленно она воздвигла его на пьедестал и взяла в привычку думать о нем перед сном. И хотя он относился к ней как к младшей сестренке, ласково опекая и не допуская никакой двусмысленности в отношениях, Кейт безумно влюбилась в него, и с годами эта страсть не утихла. Благодаря Скотту она полюбила Шотландию, огромное поместье, продуваемое всеми ветрами, и своего будущего тестя Ангуса. Позднее, изнывая от горя, она переживала роман Скотта с красавицей Мэри, на которой он чуть было не женился. Она и сама едва не обручилась с прекрасным парнем, но в конце концов ее мечта сбылась: однажды Скотт посмотрел на нее влюбленными глазами.

– Я отправляюсь не в паломничество к местам детства, – весело объявила Кейт. – Мое место здесь, твоя страна стала моей. Надеюсь, что у Джона нет серьезных проблем – у него настоящий талант попадать в передряги.

– Наверное, жена не оставит его без поддержки.

Слоняясь без дела на винокурнях Джиллеспии, которые его совершенно не интересовали, Джон вскружил голову Бетти – бухгалтеру предприятия – и сбежал с ней во Францию. Там они поженились и с тех пор почти не давали о себе знать, если не считать призыва о помощи, который Кейт получила восемь дней назад в виде краткой, но тревожной эсэмэски. Скотт встал и обнял ее за плечи.

– При любых неприятностях звони.

– Я в любом случае буду тебе звонить.

Он подошел к ней сзади, наклонился, поцеловал в шею, и она прошептала:

– Ты, наверное, уже сыт по горло моей семьей, да? Мы доставили тебе столько проблем...

– Но и величайшее счастье.

Кейт повернула голову и подставила ему губы. С ним она всегда чувствовала себя в безопасности, как за каменной стеной, но сегодня вечером ее мучила неясная тревога. Как будто над ними нависла какая-то смутная угроза. Но сейчас, когда Скотт обнял ее, она отогнала от себя все страхи.

* * *

Западный ветер, пришедший с моря, гонял по парку первые опавшие листья. Амели и Ангус, сидя на каменной скамье, наслаждались одним из последних теплых дней октября и не спешили возвращаться в дом. Чай в термосе, стоявшем между ними, окончательно остыл, и Амели выплеснула остатки на гравийную дорожку.

– Вернемся? – предложила она.

– Ты замерзла? – встревожился Ангус.

– Пока нет, но я хотела бы немного погулять.

Со временем между ними возникло некоторое согласие. В первые годы их сводная семья испытала немало бурь, но с тех пор, как родились близнецы, в ней установился хрупкий мир. Амели по-прежнему не любила Скотта, и было очевидно, что это навсегда. С другой стороны, Ангусу не удалось привязаться к троим сыновьям Амели, от которых он не видел ничего, кроме неприятностей. Тем не менее, благодаря неожиданному браку Кейт и Скотта, они стали бабушкой и дедушкой общих внуков. Это событие их сблизило и сравняло их положение. Конечно, каждый продолжал защищать своих отпрысков, но перед Люком и Ханной таяли оба.

– Ты не разубедишь меня, что близнецам здесь будет лучше, чем в Глазго, – заявила Амели, вставая.

– Это решать их родителям.

– Интересы детей важнее всех остальных соображений. Я знаю, что Кейт будет в восторге, но вот незадача – Скотт этого не желает! А почему, спрашивается? Он же утверждает, что *обожает* Джиллесли, что это *его дом*, поэтому он первый должен ратовать за возвращение. Их квартира с этой смешной кухней слишком тесна, они сидят друг у друга на голове, в то время как у нас пропадает столько места! Все эти пустые комнаты...

Она с явным сожалением вспоминала, как изменилось Джиллесли, когда она поселилась там с тремя сыновьями и дочерью. Пять новых человек нарушили молчаливую атмосферу поместья веселым шумом и гамом. Но теперь Джон был во Франции, Джордж заканчивал учебу в Эдинбурге, Филип уехал со своим любовником Малькольмом, а Кейт вышла замуж за Скотта. Старики были предоставлены самим себе.

– Я очень люблю Мойру и Дэвида, – продолжала Амели. – Но с ними не слишком весело! А представь здесь близнецов, своего сына и мою дочь да, может быть, еще помощницу по хозяйству. Какие веселые были бы застолья!

– Несколько эгоистичный взгляд, тебе не кажется?

– Это я эгоистка? Как раз наоборот, дорогой. Бабушка и дедушка должны помогать молодой семье, и я готова к этому. Кейт сможет начать работать, а Скотт освободится от некоторых домашних обязанностей, которые не дают ему полностью посвящать себя винокурням. Я знаю, что он помогает Кейт, он всегда это подчеркивает...

– Скотт никогда не жалуется!

– Он изображает идеального мужа, но не убеждай меня, что ему нравится менять подгузники – никогда этому не поверю.

– Ты все время ищешь у него недостатки.

– В любом случае, если бы я не потребовала, чтобы он женился на Кейт, после того как соблазнил ее...

– Амели, ты несешь чушь. Он был без ума от нее и сам хотел жениться.

Она картинно закатила глаза, не желая ничего слышать. Ей хотелось пребывать в убеждении, что этот брак – дело ее рук. Представить, что она предупредила желание Скотта, было невыносимо, она предпочитала придерживаться своей версии.

– Неужели ты никак не можешь повлиять на ситуацию? – спросила она, нежно взяв мужа за руку.

Ангус с трудом сдержал улыбку. Каждый раз, когда Амели хотела чего-то от него добиться, она пускала в ход ласку. Впрочем, это было предметом их шуток, чем-то вроде игры.

– Тебя он послушает. Ты все-таки глава клана, Ангус!

Она знала его уязвимое место. Имея только одного сына, он был одержим идеей расширения семьи. Ангус оставил в своем доме сестру Мойру, принял кузена Дэвида, после смерти жены снова вступил в брак и теперь заботился о четверых детях Амели. Ему нравилось чувствовать себя патриархом, окруженным родственниками и потомками. Конечно, он мечтал о возвращении Скотта и Кейт с малышами! Но его отношения с сыном были деликатными, и он не хотел давить на него. Они слишком часто спорили из-за Амели и порой ссорились из-за

того, что по-разному подходили к управлению винокурнями. Скотт пошел на риск, в Инверкипе он решил освоить производство новой категории виски пятнадцатилетней выдержки, сменил поставщика бочек, этикетки на бутылках и все время говорил о маркетинге. Но дела у него шли хорошо, и Ангус отступил. При рождении близнецов он даже согласился передать Скотту дополнительную долю акций. «Ты толкаешь меня в могилу!» – пошутил он, подписывая бумаги, и Скотт разразился смехом. Он все прекрасно понимал: отца больше не занимало изготовление виски. На пенсии ему вполне хватало для счастья Амели, гольфа и охоты. Но все же иногда он чувствовал укол ревности, видя уверенность своего единственного сына, которому удавалось все, за что бы он ни брался. Разрываясь между гордостью и раздражением, Ангус все же старался не вмешиваться в его дела.

– Молодежь дорожит своей независимостью, – проворчал он. – Я приму Скотта с распростертыми объятиями, когда он сам захочет приехать.

Амели помрачнела, но Ангус, зная ее достаточно давно, был уверен, что она рано или поздно возобновит атаку.

* * *

Джордж осматривал комнату, которая вскоре должна была стать его кабинетом, со смешанным чувством страха и нетерпения.

– Надеюсь, что не разочарую тебя, – сказал он Скотту со всей серьезностью.

– Какой прогресс! Несколько лет назад твоей единственной целью было во всем мне противоречить.

Джордж сокрушенно кивнул и улыбнулся, но Скотт добавил:

– Не строй из себя виноватого, я пошутил. Уверен, что у тебя все получится. Нынешний управляющий выйдет на пенсию только через несколько недель, у него будет достаточно времени, чтобы ввести тебя в курс дела. И тогда ты поймешь, нравится тебе эта работа или нет.

Джордж был трудным подростком и посредственным учеником, но теперь словно преобразился. Он поступил в престижную бизнес-школу при Эдинбургском университете, где изучал управление и маркетинг, как Скотт в свое время, и желание последовать примеру зятя, стало для семьи большой неожиданностью.

– Устройство прядильной фабрики довольно сложно, но ты быстро освоишь его. Я не мог заниматься ею столько, сколько хотел, потому что винокурни отнимали у меня все время, однако в финансовом отношении она стабильна. Я считаю, что в нее надо влить свежую кровь. Оборудование находится в рабочем состоянии, а вот современных идей не хватает. Жду их от тебя! Когда Дональд, управляющий, уйдет на пенсию, ты должен быть готов впрячься в работу вместо него.

– А кому я тогда буду подчиняться?

– Только мне.

Скотт знаком велел Джорджу сесть за письменный стол, а сам занял одно из двух кресел, предназначенных для посетителей.

– Прядильная фабрика была куплена для моей матери. Она жаждала деятельности, думаю, ей было скучно. У нас уже тогда было много овец, и папа решил, что на этом можно зарабатывать. К сожалению, популярность тартанов¹ падала, а потом и Китай стал наводнить нас своим текстилем. Но моя мать была упорной, она перепробовала все, чтобы выжить. А потом... потом произошла автомобильная авария.

Его голос прервался, и он на минуту замолчал. Мать умерла, когда он был совсем маленьким.

¹ Тартан – клетчатая ткань шотландка. (Здесь и далее примечания переводчика.)

– После этого отец потерял интерес к фабрике, хотя и не думал о том, чтобы ее продать – может быть, в память о жене. И когда она в конце концов стала для него обузой и он стал поговаривать о том, что от нее надо избавиться, я взял дело в свои руки. В общем, мы сохранили фабрику, и здесь я прошел свою первую практику перед отъездом в Европу. Так что ты идешь по моим стопам!

– По-моему, это не самый плохой вариант.

– Плохо то, что я не мог управлять всем сразу. Сейчас невозможно руководить предприятием по-дилетантски, как это делал мой отец. Но я не стану тебя ничему учить, твое образование уже подготовило тебя к современному рынку.

– В теории.

– Ты быстро освоишь практику.

Джордж поправил очки, которые все время сползали на нос. После недолгого колебания он задал вопрос, который волновал его больше всего:

– Почему ты доверил фабрику мне и отказал в этом Джону?

– Я ему не отказывал. У него не было диплома, он не желал учиться и вообще серьезно вникать в дело, предпочитая умирать от скуки и жаловаться на судьбу!

– Он говорил, что ты устроил ему тяжелую жизнь и заставлял подметать солодовни².

– Не только. Я посылал его в Эдинбург посмотреть, как происходит разлив виски по бутылкам, потом предложил ему ознакомиться с отделом продаж, отделом маркетинга...

– И он задурил голову вашей бухгалтерше.

– Думаю, для него это было менее утомительно, чем все остальное.

– Зря Ангус навязал его тебе.

– Он уступил давлению твоей матери. Оглядываясь назад, я понимаю, что у нее были причины волноваться за Джона, но принуждение – не лучший выход.

– Как ты думаешь, что за проблема у него возникла, если он позвал на помощь Кейт?

– Понятия не имею.

Скотт взглянул на часы.

– Скоро она это узнает, – заметил он. – Ее самолет сейчас приземляется в Руасси.

Говоря о жене, он как-то по-особенному улыбался, и эта улыбка тронула Джорджа.

– Вы прекрасная пара! – невольно вырвалось у него.

– Спасибо! Кстати, а как дела у твоей подруги?

Джордж никому не открывал свою личную жизнь; он уже год встречался с одной девушкой, но не спешил знакомить ее с семьей.

– Сьюзен очень за меня рада. Говорит, что это необыкновенная удача – когда работа сама тебя находит!

– Она собирается переехать к тебе?

В одном из корпусов фабрики было свободное жилье, и Скотт предложил его Джорджу без всякой оплаты.

– Не уверен... Мне нужна независимость.

– У нас явно много общего! До встречи с Кейт я был похож на тебя, но она все перевернула в моей жизни. Теперь мне нужно, чтобы она всегда была рядом. Думаю, это знак того, что я нашел женщину своей жизни.

Снова взглянув на часы, Скотт встал:

– Ладно, оставляю этот кабинет в твоем распоряжении. Управляющий будет ждать тебя в полдень. Вы пойдете обедать и сможете обсудить организационные вопросы. Удачи тебе в первый рабочий день!

² Солодовня (или солодильня) – помещение для проращивания зерен ячменя, используемого в производстве виски.

Поле того как Скотт ушел, Джордж уселся в его вертящееся кресло. Он до сих пор не мог поверить тому, что все произошло так легко. Едва он получил диплом, как Скотт предложил ему руководящую должность, служебную квартиру, – и все это, не считая заманчивых перспектив в ближайшем будущем. Насколько же глупы его братья, если они пренебрегли такой возможностью? Филип довольно поздно обнаружил у себя страсть к искусству вообще, и к рисунку в частности. Он не сразу рассказал об этом и тем более о любовном обороте, который приняла его дружба с Малькольмом. Ни о чем не сообщая, он начал проводить уик-энды на острове Арран, где у родителей Малькольма был красивый дом. Им также принадлежала прекрасная квартира в Эдинбурге, которая была предоставлена в полное распоряжение любимого сына. Таким образом, Малькольм и Филип – студенты Эдинбургского колледжа искусств – прожили вместе три года. Филип, похоже, обрел душевное равновесие и вряд ли когда-нибудь захочет вникать в дела Джиллспи. Но Джон, который ничем не интересовался, не обладал никакими талантами и не желал учиться, должен был использовать этот шанс. В конце концов, со Скоттом не так уж трудно ладить. Как и его братья, Джордж сначала не оценил по достоинству единственного сына Ангуса. Они были вздорными подростками, и Скотт представлял для них раздражающий пример блестящего молодого человека, безупречного во всех отношениях. Приехав в Джиллспи, они шумно вторглись на его территорию, что в конце концов вынудило его переехать в Глазго. Но со временем Джордж и Филип поняли, что Скотт им не враг, а вот Джон так и остался его непримиримым противником. Его столкновения со Скоттом иногда переходили в драку, что выводило Амели из себя и портило настроение всем в доме. Теперь Джордж лучше понимал, что чувствовал Скотт. Почему он должен был с радостью принять мачеху, если сыновья Амели демонстрировали его отцу Ангусу свое пренебрежение? Скотту пришлось проглотить обиду, он даже чуть не поссорился с отцом, а в итоге безумно влюбился в Кейт. Какая ирония судьбы!

Джордж открыл свой новенький ноутбук, положил на стол ежедневник в кожаном переплете и несколько ручек, купленных накануне. Если не считать двух обязательных стажировок, входящих в программу, он никогда не работал, и ему не терпелось наконец приступить к делу. Он надеялся быстро сойтись с Дональдом, что помогло бы ему вскоре стать своим среди сотрудников компании. И конечно, ему надо будет поблагодарить Ангуса, который согласился дать ему это место: Скотт представил ему убедительные аргументы.

На мгновение он подумал о намеках Скотта о сходстве начала их карьеры. Да, Джордж шел по его стопам, и это было неслучайно. Он хотел походить на него, хотел тоже добиться успеха... и, может быть, когда-нибудь даже превзойти его. К его восхищению примешивалась некоторая доля зависти, которая могла быстро превратиться в ревность, – поняв это, он встревожился. Все-таки у Скотта были все преимущества с самого рождения. Ангус был прекрасным отцом: суровым, но любящим, в то время как отец Джорджа подло бросил жену и детей, не задумываясь об их судьбе. И хотя Скотт рано потерял мать, недостаток материнской ласки ему восполнила его тетя Мойра. Он всегда знал, что унаследует процветающую компанию, он происходил из уважаемой, состоятельной семьи. Что же удивительного в том, что он чувствовал себя так уверенно и свободно?

Джордж взглянул на свой дорогой ежедневник, ручки и подумал, как нелепо они смотрятся. Не хватало еще ластиков и скрепок! Он уже не студент и должен научиться вести себя в соответствии со своим статусом управляющего. И с первой же зарплаты нужно будет приобрести смартфон со всеми возможными опциями. А еще два-три элегантных галстука. И пока он будет здесь работать, нужно отдать в оптику очки, чтобы в них подкрутили оправу, или вообще купить новые.

Довольный своими решениями, Джордж вышел из кабинета и постучался к Дональду.

* * *

– Я пришла не для того, чтобы говорить о Скотте! – возмутилась Кейт.

– Ладно, но я никогда не мог понять, почему ты вышла за этого парня, – проворчал Джон.

Он пожал плечами и бросил раздраженный взгляд на свою жену.

– Для тебя наша священная корова Скотт тоже выше критики?

Не отвечая, Бетти удрученно улыбнулась Кейт. Потом взяла сумку, встала и объявила, что ей пора на работу.

– Встречусь с вами обоими прямо в «Ля Куполь»³. До вечера!

Когда она ушла, Джон пробормотал:

– Это очень мило – пригласить нас обоих в ресторан, мы такое себе позволить не можем.

– Но ведь у Бетти хорошая зарплата!

– Вполне приличная. Но жизнь в Париже очень дорогая. Мы еле-еле сводим концы с концами, не более того.

– Ты не нашел работу?

– Можно подумать, что меня где-то ждут! Я зарегистрировался на бирже труда, но толку никакого.

– Тогда чем ты занимаешься, пока Бетти на работе?

Он пристально посмотрел на сестру и тряхнул головой.

– Надеюсь, ты не будешь читать мне мораль? Проблема, как ты знаешь, в том, что у меня нет ни диплома, ни опыта. Иногда я жалею о том, что в Шотландии потратил время впустую. Мне надо было приехать сюда прямо в день совершеннолетия и пойти учиться. Сейчас все было бы по-другому.

– Разве уже поздно?

– Ой, не говори глупости!

Морщась, он поднялся с дивана:

– Черт, у меня все болит... Хочешь чаю?

– С удовольствием.

Она пошла за ним на кухню, украдкой осматривая квартиру, – несмотря на то, что она была тесной и обшарпанной, здесь царили порядок и чистота.

– Бетти – замечательная жена, – сказал Джон, проследив за ее взглядом.

Он поставил на огонь чайник, достал две чашки, сахар, молоко и, наконец, бутылку виски.

Кейт с изумлением посмотрела на этикетку.

– «Джиллеспи»? В Париже продается «Джиллеспи»?

– Понятия не имею, и плевать мне на это. Но твой муж прислал Бетти ящик виски в качестве свадебного подарка. Каков юмор, а?

– Не начинай снова.

– Ладно, – уступил он, поднимая руки в знак примирения.

Когда Джон вошел с чайником в гостиную, Кейт заметила, что он похудел. До этого она подумала, что он сильно изменился и преждевременно постарел, а теперь, при безжалостном неоновом свете убедилась, что выглядит он просто ужасно.

– Я все еще не понимаю, Джон, почему я здесь?

– Да, сейчас объясню...

Вдруг она вспомнила фразу, которую он произнес, вставая с дивана.

³ «Ля Куполь» (фр. «La Coupole») – знаменитый парижский ресторан на бульваре Монпарнас, где в начале XX века собирались представители французской и международной богемы.

- Кстати, а почему у тебя все болит?
- Я как раз об этом. Ладно, сейчас я скажу тебе то, чего Бетти еще не знает.
- Неужели все так серьезно?
- Настройся на худшее.
- Ты болен?
- Пока нет.
- Не понимаю...
- Ничего удивительного, ты ведь такая наивная! У меня ВИЧ, дорогая моя.
- Джон! – ахнула Кейт.
- Да, я знаю, о чем ты думаешь. Этого можно было скорее ожидать от Филипа, чем от меня.

– Почему? Филип верен Малькольму, он любит его. Но почему это произошло с тобой?

– Пустяковая супружеская измена. Не настолько серьезная, чтобы заслужить такое наказание.

- Ты изменяешь Бетти?
- Она отсутствует с утра до ночи. А так как мне скучно, я хожу на тусовки, где знакомлюсь с разными людьми. Но если бы ты знала, как я теперь об этом сожалею, хоть локти кусай! И, мало того, я люблю ее.
- Отличное доказательство любви!
- Ты ничего не понимаешь в мужчинах.
- Мужчины разные.

Не выдержав взгляда Кейт, Джон опустил голову. От того, что она сейчас услышала, ей стало так больно, что она долго молчала. Джон всегда был сумасбродом. Ребенком, а потом подростком, он практически не обращал внимания на младшую сестру. Если он замечал ее, то лишь для того, чтобы отпустить в ее адрес злую шутку, и Кейт не могла вспомнить, чтобы он когда-нибудь проявил добрые братские чувства. Более того, он привлек на свою сторону обоих братьев, а втроем они становились просто невыносимы. Со Скоттом он с самого первого дня искал ссоры, и в конце концов возненавидел его. Кейт ничего от него не ждала, зато он явно рассчитывал на ее помощь.

– Ты должен поговорить с Бетти, и тебе надо... обезопасить ее, – наконец выдавила она из себя.

– Ну, до этого я и сам додумался! Как только я получил результаты анализов, сразу купил презервативы. И сказал ей, чтобы она перестала принимать таблетки, потому что она курит, а это опасно. Она, бедняжка, решила, что я такой заботливый, так беспокоюсь о ней. Какая ирония судьбы...

Впервые он выглядел не на шутку расстроенным. Была ли тому причиной жена или его эгоизм?

- Не знаю, как попросить ее сделать анализ на ВИЧ, – добавил он с сожалением.
- Скажи ей правду.
- Ты с ума сошла?
- Она должна знать.
- Даже не думай. Бетти – единственная, кто любит меня и ценит. К тому же она доверяет мне. Если я ее потеряю, то потеряю все.

– Не изображай из себя жертву, пожалуйста. Мама тебя боготворила, много лет любила и опекала, как никого из нас.

– Я имел в виду свои отношения с женщинами. Они всегда смотрели на меня свысока, потому что у меня нет ни положения, ни денег. А Бетти все это не интересует.

- Тем более не надо ей врать! Пора уже повзрослеть!
- Я уже сказал: оставь свои нравоучения при себе.

Они встретились взглядами, и Джон смягчился.

– Мне нужно срочно лечиться. И я уже начал. Но страховка не покроет все расходы, поэтому лечение будет стоить дорого. У мамы я не могу просить денег после того, как надолго пропал и не подавал о себе вестей.

– Ты даже не пригласил ее на свадьбу.

– Она бы все равно не приехала без своего дорогого Ангуса, к тому же к нам приезжал папа. Это было единственное проявление его отцовских чувств – кстати, поэтому я не могу и его просить о помощи. Его жена – просто цербер, она называет нас «прежние дети» – тебя и братьев. Представляешь?

Кейт поморщилась. Достаточно настрадавшись от безразличия отца, она выбросила его из головы и из сердца.

– Когда мама говорила, что он про нас *забыл*, я считала ее жестокой, но она оказалась права, – тихо произнесла Кейт. Она с жалостью посмотрела на брата. – Джон, я тебе помогу, конечно, но ты должен поговорить с Бетти.

– Нет. Ты можешь подкинуть мне денег, но я не позволю вносить раскол в наши отношения!

– Это все равно случится. Тебе не удастся долго скрывать от нее свою болезнь. Ты и так уже похож на ходячий скелет, это сразу бросается в глаза.

– Меня тошнит от таблеток, аппетит пропал.

– Бетти поможет тебе это пережить. Ты же сам сказал, что она – замечательная жена. Если ты не можешь поговорить с ней, хочешь, я попробую?

Она видела, что он колеблется, взвешивая все «за» и «против». Ему всегда недоставало мужества, Кейт вспомнила об этом с горечью. Почему мать так долго не желала признавать его недостатки? Уж лучше бы она наставила его на путь истинный, вместо того чтобы оправдывать его ненависть к Ангусу, а потом к Скотту.

– Вечером я пойду на встречу с Бетти в «Ля Куполь» одна, – решила Кейт. – Ты останешься дома, отдохнешь и будешь ждать нашего возвращения. Если все пройдет хорошо, я вас оставлю и вернусь в отель.

– Она будет изводить меня упреками...

– Да, конечно, она будет страдать, но через это надо пройти. Ты не можешь продолжать жить так дальше.

Джон явно успокоился и потянулся к бутылке с виски.

– Это сочетается с твоими лекарствами? – спросила Кейт, отодвигая от него бутылку.

Но у нее не было иллюзий: как только она отвернется, он нальет себе стакан. И даже, может быть, не один, чтобы набраться смелости перед разговором с женой.

– Кейт, если бы Скотт сообщил тебе такую новость, как бы ты к ней отнеслась?

Вопрос застал ее врасплох. Она попыталась ответить честно, но представить подобное было невыносимо. Скотт не был лжецом и не боялся признавать свою ответственность.

– Я уверена, что Скотт любит меня, – сдержанно сказала она.

– И что? Я тоже люблю свою жену! Это не исключает внезапных импульсов; надо быть такой наивной, как ты, чтобы этого не понимать.

– Ну и ладно, я ему доверяю. И думаю, что если бы он захотел... пойти куда-то, то проявил бы порядочность и предохранялся бы.

– Давай, вешай на меня всех собак.

– Нет, я не собираюсь тебя судить. Тебе хотя бы назначили хорошее лечение, у тебя компетентные врачи?

– Вполне.

– А в чем состоит это лечение?

– Принимаю таблетки по часам. Кажется, побочные эффекты не такие сильные, как раньше. Но я пока не заболел, я просто бессимптомный носитель вируса. Моя усталость связана с лекарствами.

Кейт протянула через стол руку и с нежностью сжала руку Джона.

– Я очень переживаю за тебя, ведь ты мой брат! Сделаю все, что в моих силах, обещаю! Теперь скажи, почему ты обратился ко мне. Не помню, чтобы я была твоей любимицей.

– Характер у тебя занудный, но ты добрая, и это ни для кого не секрет! И потом, Филип перепугался бы, он такой нежный; Джордж стал слишком важной птицей, а что касается мамы – я не хочу ее вмешательства в мою жизнь. Сразу предупреждаю: и еще меньше – вмешательства твоего мужа. Так к кому мне еще обращаться, сама подумай?

Кейт кивнула, стараясь скрыть набежавшие слезы. С самого начала разговора она пыталась держаться отстраненно, но это ей не удавалось. Конечно, Джон не был хорошим братом, и его ненависть к Скотту отдалила их друг от друга еще больше, но все-таки она жалела его: то, что с ним случилось, было ужасно.

– Хочешь, пойдем погуляем? – предложила она. – Я так давно не была в Париже!

Джон равнодушно кивнул. Вернувшись во Францию несколько лет назад, он уже не оглядывался по сторонам в отличие от Кейт, которой не терпелось увидеть квартал Сен-Жермен, где она провела первые двенадцать лет своей жизни.

– Только сначала я приму душ, – объявила она. – Ванная наверху?

Ей нужно было послать сообщение Скотту, который наверняка уже начал беспокоиться. Вечером она позвонит ему из гостиничного номера, все объяснит и тогда уже даст волю слезам.

2

– Не знаю, что я делал бы без тебя, – признался Скотт.

Кейт продлила свое пребывание в Париже, и в уик-энд, когда няни не было, близнецы оказались полностью на нем. Поэтому он решил отвезти детей в Джиллеспи, где их радостно встретила Мойра. Стояла уже глубокая осень, дождь лил со вчерашнего дня не переставая, лишая деревья последней листвы, которая блестящим ковром устилала аллеи парка.

– Если их оставить в твоей тесной квартире, они сойдут с ума, – ответила Мойра, – а здесь столько места для игр!

Места было даже слишком много; приходилось бегать за детьми, чтобы помешать взобраться на лестницы или скрыться из виду в глубине галереи. Бдительная Мойра закрыла на ключ вход в бельведер, в котором Кейт провела подростком столько времени, высматривая на горизонте автомобиль Скотта.

– У тебя очень красивые дети, – добавила она. – У них твои глаза, глаза твоей матери.

Темно-синий цвет редкого оттенка – такой невозможно спутать ни с каким другим. Близнецам было три года; резвые и бойкие, они без умолку болтали с утра до вечера на английском и французском. С самого рождения Кейт разговаривала с ними на двух языках, и Скотт следовал ее примеру.

– Мы будем заниматься ими по очереди, вместе с Амели и Ангусом. Даже Дэвид намерен присоединиться к нам: он купил малышам пластмассовые грабельки! Хочешь, отдохни немного.

– Я бы предпочел долгую прогулку, давно мне не доводилось обойти Джиллеспи полностью.

– Давай, заодно пообщаешься с пастухами. Кстати, как там Джордж – справляется с фабрикой?

– Подожди немного, он приступил к работе только в начале недели!

– А что слышно о Джоне, черт бы его побрал?

После минутного колебания Скотт коротко ответил:

– Ничего хорошего.

Мойра внимательно посмотрела на него, но промолчала. Взяв на себя воспитание Скотта после смерти его матери, она успела хорошо его узнать. Если он не хотел говорить, настаивать было бесполезно.

– О Филипе я тебя не спрашиваю, потому что он приезжал на этой неделе.

– С Малькольмом?

– Да! Амели всегда морщится при виде этой пары, но от комментариев воздерживается. Вообще-то, мальчики приехали, чтобы получить урок кулинарии. Я показала им, как готовить суп из баранины с ячменем и овощами. Филип помнил его, но ему никак не удавалось сварить точно такой же. А Малькольма интересует точная рецептура приготовления омара в соусе из виски.

– Что ж, это радует, попрошусь к ним в гости!

Скотт подошел к окну и бросил взгляд вниз. Амели в длинном дождевике и непромокаемой шляпе наблюдала, как близнецы гоняют по лужайке на трехколесных велосипедах.

– Думаю, я могу отправиться, – заметил он. – Как по-твоему, прогулка соблазнит папу?

– Конечно. Но не торопи его, он ходит в своем темпе.

Мойра всегда заботилась о других, такой уж был у нее характер. Глядя на ее седые волосы и морщинистое лицо, нетронутое косметикой, Скотт почувствовал глубокое волнение. Она олицетворяла для него материнскую любовь, – воспоминания о родной матери были слишком смутными. Он помнил похороны: помнил, как отец крепко держал его за руку, пока шла месса,

но своему детскому горю он дал выплеснуться только в объятиях Мойры. Она поддерживала его, холила и лелеяла, развлекала и закармливала лакомствами. Уверенная, что вкусная еда облегчает душевную боль, она каждый день пекла для него пирожные. А перед сном всегда оставляла включенным ночник, ни слова не говоря Ангусу. Может, она слишком баловала его до самого поступления в интернат, но он был ей за это благодарен. Без Мойры он замкнулся бы в себе и не научился бы контролировать свою вспыльчивость.

Скотт прошел весь первый этаж, чтобы попасть в отцовский кабинет, который теперь в основном выполнял роль курительной комнаты. Ангус постепенно отказывался от дел и передал их сыну. Он оставался акционером компаний Джиллеспы, но управление ими его больше не интересовало. Новшества, привнесенные Скоттом, озадачили его, хотя и дали великолепные результаты.

Ангус с энтузиазмом откликнулся на предложение Скотта о прогулке, такая возможность – побыть с ним наедине – выпадала редко. Перед выходом оба – отец и сын – надели резиновые сапоги, картузы и охотничьи куртки. Как все шотландцы, они не боялись дождя, имея подходящую экипировку на любую погоду.

– Пройдем за домом, – предложил Ангус. – Если дети тебя увидят, они побегут за тобой, и Амели не сможет их удержать.

От прогулки, которую собирался совершить Скотт, трехлетние дети выбились бы из сил уже через пять минут. Дождь прекратился, сменившись ледяной изморосью.

– Амели обожает возиться с ними, – добавил Ангус. Он явно хотел похвалить ее, или хотя бы сказать о ней доброе слово, но его сын лишь коротко кивнул и спросил:

– Пойдем к морю? Если это слишком далеко для тебя, сделаем остановку...

– Я не настолько стар, Скотт! На площадке для гольфа я прохожу несколько километров. Не говоря уже об охоте.

Ангус старался поддерживать форму ради Амели, которая была почти на двадцать лет моложе, и ради внуков, которых обожал.

– В Гриноке все в порядке? – вдруг спросил он.

Из двух винокурен эта интересовала его больше, тогда как Скотт возлагал особые надежды на Инверкип – она была более скромной, но зато там он мог свободно реализовать самые радикальные новшества.

– Никаких особых проблем нет. Слушая тебя, я начинаю думать, что ты читаешь мои ежемесячные отчеты!

– Я их иногда просматриваю, – признался Ангус со смехом. – Мне же надо убедиться, что мои доходы не сократились.

Они прошли метров двести-триста, и Ангус обернулся, чтобы посмотреть на величественное здание Джиллеспы, возвышающееся на холме.

– Какая красота, правда? Надеюсь, что когда-нибудь Ханна и Люк будут жить здесь со своими детьми. Чтобы после нас жизнь продолжалась... Это мое самое заветное желание.

Скотт молча посмотрел на особняк и отвернулся. Он знал, что хочет услышать от него отец, и неотступно думал об этом со вчерашнего дня. Голос Кейт по телефону выдавал ее страшную растерянность. Известие о том, что Джон оказался носителем такой ужасной болезни, потрясло ее, и Скотту захотелось немедленно сесть в самолет и отправиться домой, чтобы утешить жену. Он не мог видеть ее слез и был готов на все, чтобы к ней вернулась ее всегдашняя жизнерадостность. Что касается Джона, он ничем не мог ему помочь, но почему не дать Кейт то, о чем она мечтала?

Они возобновили прогулку, и Скотт пробормотал:

– Я знаю, что это важно для тебя.

– Да, я люблю представлять будущее, даже если меня в нем не будет. Ты подарил мне двух маленьких Джиллеспы, и я очень этому рад.

- И ты хотел бы, чтобы они навсегда поселились в этом доме?
- Мои желания не должны мешать тебе жить так, как тебе нравится.
- Кейт очень хочет вернуться сюда.
- Рад это слышать, а ты что скажешь?

Скотт засунул руки в карманы охотничьей куртки, стараясь идти не слишком быстро. Его взгляд блуждал по равнине, заросшей вереском и чертополохом. Вдалеке он заметил овец.

- Ты мне не ответил, – окликнул его Ангус.
- Амели не сделает ничего, чтобы облегчить мне жизнь. Думаю, ты это знаешь.
- Ты преувеличиваешь.
- Несколько лет назад она относилась ко мне так, как будто я незваный гость в моем собственном доме.

– Это все в прошлом, Скотт. После того как вы поженились, она смотрит на все иначе, особенно с тех пор, как стала бабушкой. Ты считаешь ее злой, но ты ошибаешься.

- Возможно. И возможно, ты необъективен.
- Ты тоже.
- Папа, вспомни! Ведь мы по ее вине чуть не поссорились!
- У тебя отвратный характер.
- Я унаследовал его от тебя.

Ангус засмеялся и шутливо ткнул сына в плечо.

Они долго шли молча, пока не достигли последней долины, которая полого спускалась к морю.

- Ты починил ограды, – заметил Скотт.

– Пастухи жаловались, что находят овец на дороге и даже на пляже! Впрочем, мне все равно больше нечем заняться на этих землях.

– И ты терпеть не можешь, когда тебе делают замечания по поводу твоего управления имением.

- Точно. Ты меня хорошо знаешь, но не забывай, что это взаимно.

Скотт заметил пеня и предложил передохнуть. Пока его отец тяжело усаживался, он стоял перед ним.

– Я хочу доставить удовольствие Кейт, – нерешительно сказал он. – Я женился на ней, чтобы сделать ее счастливой...

- А что, она несчастна?

– Наоборот, счастлива! Во всяком случае, так говорит. Но я знаю, что она очень привязана к Джиллесли, что...

- А ты нет?

- Перестань меня перебивать!

- Конечно. Прости. Думаю, нелегко признать за собой дурацкое упрямство.

Скотт слабо улыбнулся, и Ангус воспользовался этим, добавив:

– Возвращайся домой. Сделай хотя бы попытку, ты всегда сможешь уехать, если что-то не заладится.

Скотт молча кивнул. Кейт стоила любой жертвы, в том числе отказа от независимости. Семейная жизнь трех поколений, объединенных чудесной атмосферой Джиллесли, успокоила бы ее. Если только Амели не устроит Скотту невыносимую жизнь.

- Хорошо, – вздохнул он, – попробую рискнуть.

Несмотря на все сомнения и оговорки, перспектива вернуться домой захватила его. До сих пор он сопротивлялся этой мысли, но в глубине души хотел того же.

Отец, обрадованный хорошей новостью, встал бодро, в отличие от того, как садился.

– Вперед, не будем тянуть время! – бросил он и пошел первым. – Заглянем в овчарню к Рою, а потом попробуем разыскать наших *black faces*⁴.

Шерсть этих овец использовалась для изготовления пальто и ковров, к тому же они легко поддавались стрижке. И вдобавок, не только приносили доход, но и являлись эмблемой Шотландии, что давало Ангусу дополнительный повод для гордости.

– Надеюсь, Кейт подробно расскажет нам о своей поездке в Париж! Амели не терпит узнать, как дела у Джона, потому что звонит он очень редко. По-моему, он очень неблагодарный, правда? Раз уж нашел свое счастье во Франции...

Мгновение поколебавшись, Скотт все-таки решил помолчать. Кейт скажет то, что сочтет необходимым, а он не должен вмешиваться. Для Амели, разумеется, новость о том, что ее сын ВИЧ-инфицирован, станет драмой. Как всегда, она свалит на Ангуса весь груз своих страданий, и в этих условиях собраться всей семьей и сплотить ряды будет очень своевременно.

– Поскольку я уже принял решение, – сказал он Ангусу, – думаю, мы не будем тянуть с переездом.

* * *

Как верные друзья, Грэм и его жена Пат предложили помочь с переездом. Они стали родителями близнецов еще до свадьбы Скотта и Кейт, и это совпадение сблизило пары. Более того, Скотт был крестным отцом их старшего сына Тома, и к своей роли он относился со всей серьезностью. Став неразлучными друзьями еще в интернате, Скотт и Грэм всегда, как могли, заботились друг о друге. Они не принимали жизненно важных решений не посоветовавшись и вместе переживали хорошие и плохие времена.

Грэм, в пору их учебы не такой блестящий ученик, как Скотт, был старше на два года. Теперь он работал в банке в качестве консультанта клиентов по имущественным вопросам, а Пат всецело посвятила себя троим детям. Для них было невозможно уехать из Глазго, однако они поддержали решение Скотта, потому что тоже любили Джиллесли.

– Мы к вам нагрянем в выходные! – пообещала Пат. Она укладывала в чемодан вещи Кейт, сложенные стопками на кровати.

– Мы всегда вам рады, – объявила Кейт, – и дети будут играть вместе. То, что невыносимо в квартире, становится очень приятным в деревне. Там столько места! Я обожаю Джиллесли.

– Когда ты сюда приехала, у тебя было совсем другое впечатление, насколько я помню.

– Тогда я была растерянна и угнетена. Ангус внушал мне страх, мне понадобилось время, чтобы понять его. Но когда я увидела Скотта, это место для меня волшебным образом преобразилось.

Кейт рассмеялась, вспоминая, какой застенчивой и неловкой она тогда была.

– Вы не берете ничего, кроме личных вещей? – поинтересовалась Пат.

– Ничего. Твой муж посоветовал Скотту сдать нашу квартиру вместе с мебелью. Так выгоднее, и нам будет проще, если мы захотим вернуться. Только мы не вернемся, я в этом уверена.

Пат закрыла чемодан и начала укладывать сумку.

– При условии, что вы уживетесь. Три поколения под одной крышей – это не так-то просто.

– Я надеюсь, что мама будет вести себя достойно. Ведь причина в ней.

– Она по-прежнему на ножах со Скоттом?

– Да, и не может взять себя в руки.

– Почему?

⁴ Шотландская порода черноголовых овец.

– Она невзлюбила его с самого начала. Рядом с ним мои братья проигрывали, они выглядели невоспитанными бездельниками. Не выдержала ее материнская гордость! А каково ему было, когда его родной дом захватили мачеха и четверо подростков... С самого начала все пошло не так...

Упомянув братьев, Кейт подумала о Джоне. Бетти мужественно и с достоинством приняла правду. Она не стала обвинять Джона, хотя он изменил ей и подверг опасности ее здоровье. Она всегда брала принятие решений на себя и сейчас тоже взяла дело в свои руки. Накануне отъезда Кейт она рассказала ей, что по сведениям, полученным от страховой компании, все расходы по лечению будут возмещены. Поэтому аргументы, которые Джон привел сестре, чтобы вытянуть из нее деньги, были безосновательны. Но как она могла его винить? Отныне над головой брата висел дамоклов меч, и конечно, он хотел пользоваться всеми радостями жизни. Бетти же чрезвычайно разумно и скрупулезно распоряжалась их бюджетом. Грозная болезнь сделает ее еще более экономной, а Джон, возможно, стремился к некоторой финансовой независимости.

– Почему ты такая грустная? – удивилась Пат. – Я думала, ты радуешься возвращению! Прости, что я напонила тебе о матери, но вот увидишь, она так обрадуется тебе и детям, что наконец оставит Скотта в покое. Впрочем, он способен за себя постоять и уже не раз доказал это.

– Я знаю. Я также знаю, что он сделает все возможное и невозможное, чтобы наша жизнь была приятной. Ты представить не можешь, как он внимателен ко мне.

– Просто он любит тебя. Грэм утверждает, что рядом с тобой он изменился. Когда они учились в интернате, Скотт был шумным, драчливым и иногда чересчур самоуверенным.

– А по словам Скотта, Грэм просто не терпел, когда ему противоречили!

Они засмеялись и, покончив с укладкой вещей, решили передохнуть. На кухне Кейт вскипятила воду для чая и достала коробку с печеньем.

– В Джиллесли я смогу наконец печь сама. Здесь кухня слишком тесная, чтобы превращать ее в кондитерскую. А там я наготовлюсь всласть. Помню вечера, когда я возвращалась из школы, и Мойра в это время вынимала из духовки пирожные! Такой умопомрачительный запах! У Люка и Ханны тоже все это будет.

– Значит, ты собираешься после переезда выйти на работу?

– О да! Я сомневалась, хотелось подольше побыть с детьми, но все-таки вчера утром послала в ректорат резюме. Может быть, в этом году мне удастся поработать только на заменах, но как только появится вакансия, я подам заявку.

– Ты права. А я очень жалею, что уже давно не работаю. Я получила огромную радость от общения с детьми, но теперь у меня нет своей собственной жизни. Когда мы встречаемся с людьми, мне нечего рассказать. Мои дни похожи один на другой, я уже не узнаю себя прежнюю и знаю, что мне будет трудно найти интересную работу.

– А ты хочешь работать?

– Очень! Но в моем резюме есть перерыв в несколько лет, а работодатели особенно не любят матерей, которых надо отпускать, когда у них болеют дети или когда подвела няня.

– А что говорит Грэм?

– Ему не очень нравится идея, что меня не будет дома, но он смирится.

– А мне Скотт оставляет полную свободу выбора.

– Разница в том, моя дорогая, что Грэм меня любит, а тебя Скотт боготворит. Ваш переезд в Джиллесли это доказывает, не так ли? Согласиться жить со своей тещей – это серьезная уступка. Чтобы Грэм пошел на такое...

Кейт слышался упрек в голосе Пат, и она сочла необходимым ответить.

– Не забывай, что Скотт родился в Джиллесли, это его дом. Уступить его моей матери было совсем нелегко, и теперь он собирается вернуть свою территорию.

Кейт задумчиво откусила кусочек печенья и сделала глоток уже остывшего чая. Болтать с Пат, когда вокруг не визжат и не бегают дети, было здорово, но ее мысли занимали брат и этот переезд, который полностью перевернет их жизнь. Была ли она права, когда так настаивала? Что, если это просто эгоистическая прихоть? Скотт мог подумать, что ей недостаточно только его одного, что он не смог сделать ее счастливой, хотя с ним она готова была жить хоть в хижине.

– Продолжим? – предложила Пат. – Мы почти закончили, а мне надо уехать в пять часов.

Чемоданы загромождали почти всю гостиную, и укладывать было уже нечего. Кейт обвела взглядом пустые поверхности, и на нее вдруг нахлынула ностальгия. В этих стенах она провела самый прекрасный период своей жизни: от первой их ночи со Скоттом до рождения близнецов. Свадьба, получение диплома, первые шаги Люка, за которым шла, неуверенно пошатываясь, Ханна... Воспоминание обо всех этих прекрасных днях, которые она оставляла позади, навели на нее грусть.

– Ты можешь уезжать, – сказала она Пат. – Здесь уже нечего делать. Спасибо, что нашла время помочь, мне было бы трудно справиться одной.

Провожая подругу до лифта, она пыталась улыбаться, но улыбка не получилась. Няня вернется только в шесть часов с близнецами, перепачканными с ног до головы после возни в песочнице. Прежде чем их искупать и приготовить им последний в этой квартире ужин, надо будет обязательно попрощаться с няней, которая безупречно работала эти два года.

Кейт вздохнула, закрыла дверь и устало прислонилась к косяку. Она слишком чувствительна, ей нужно быть более разумнее. Она пошла на кухню, включила радио и стала искать музыкальную волну. Холодильник был почти пуст, и Кейт решила сделать Скотту сюрприз. Она закажет суши и поставит охладиться отличное шампанское, привезенное из Парижа. Оно предназначалось для какого-нибудь важного события, ну так сегодняшний вечер идеально для этого подходил!

* * *

Скотт, расстроенный плачем Бетти, нервно вертел в пальцах ручку. Женские слезы всегда трогали его, ему хотелось сразу броситься на помощь. Как можно мягче он добавил:

– Вы были прекрасным сотрудником, все очень жалели, когда вы ушли с винокурни. Что касается меня лично, я испытываю к вам большую симпатию, очень ценю вас и считаю вполне естественным предложить вам помощь. К тому же мы с вами почти родственники – ведь вы – жена моего сводного брата! Кейт совершенно потрясена тем, что произошло с Джоном, и я хотел сказать, что вы можете на нас рассчитывать.

– Вы осуждаете Джона, я знаю...

– Не важно. Перед лицом болезни надо забыть о наших ссорах.

Бетти снова всхлипнула, а потом сказала уже более спокойным тоном:

– От разговора с вами мне стало лучше, Скотт. Во Франции я чувствую себя одинокой и очень скучаю по Шотландии. Но боюсь, Джон никогда не согласится туда вернуться. Знать, что в случае чего я смогу к вам обратиться, – это настоящая поддержка.

– Можете быть в этом уверены... Ваше новое место вам нравится?

– Да, я нашла интересную работу с достойной зарплатой. В этом отношении мне не на что жаловаться.

– А в других?

– Скажем... Я знала, что, бросая все и уезжая с Джоном, который моложе меня, я сильно рискую... Но мы почти сразу поженились, потому что он этого хотел, и мне показалось, что все устроится. Я была без ума от него, наверное, и сейчас тоже, но я, конечно, разочарована. Хотя он вовсе не плохой, как вы думаете, а просто слабый. Я его чуть ли не на руках ношу, а

он непрестанно твердит, что работать и жить по правилам – это не для него. Я хотела родить ребенка, надеялась, что это сделает его более ответственным, но, увы, теперь об этом вообще речь не идет.

Она замолчала, а потом добавила с горьким смехом:

– Вам, наверное, надоели мои откровения!

– Вовсе нет.

– Вы из тех людей, которым хочется довериться, потому что вы умеете слушать. Наверное, на винокурне все девушки в вас влюблены?

– Что?

– Не будьте наивным, Скотт. В мое время они все прямо замирали от восторга, когда вы выходили из своего кабинета. Разве с тех пор, как вы женились, что-то изменилось?

– Вы можете считать меня полным идиотом, но я ничего не замечал.

– Тогда вы просто слепы! Или слишком влюблены в свою жену. В любом случае спасибо вам обоим. Кейт поступила замечательно: без нее я не узнала бы правду, потому что Джону не хватило бы мужества мне все рассказать. А ваш звонок сегодня вечером по-настоящему поднял мне настроение.

– Берегите себя, Бетти. И держите меня в курсе. Хорошо?

– Обещаю.

Скотт в задумчивости повесил трубку. Бетти хорошая женщина, но она сделала неудачный выбор, связав свою жизнь с Джоном. Чем он смог обольстить ее? Молодостью, своим заносчивым видом, французским акцентом? Может, она мечтала о Париже, о безумной романтической страсти? Теперь Бетти осталась у семейного очага одна и вдобавок с больным мужем, который не стеснялся изменять ей.

Взгляд Скотта упал на старинные настенные часы, украшавшие его кабинет, он вздрогнул. Было уже очень поздно: весь вечер он усиленно работал, чтобы высвободить завтрашний день для переезда, да и разговор с Бетти затянулся. Кейт, наверное, уже потеряла терпение, или же она в одиночестве укладывает последние коробки. Он отключил компьютер и вышел в пустынный коридор. С утра до вечера здание гудело, как настоящий пчелиный улей: люди сновали между бухгалтерией, отделами маркетинга, продаж и поставок. Два года назад Скотт отремонтировал административные помещения, которые теперь выглядели ультрасовременными, и только его собственный кабинет не претерпел изменений. Деревянные панели, граюры и медные светильники были теми же, что во времена Ангуса и предыдущих поколений. Скотт относился к этому месту как к святилищу, и с удовольствием представлял, как однажды сын или дочь займут его место, чтобы упрочить процветание марки Джиллесли.

Спустившись на первый этаж, он поздоровался с охранником, который нес ночную вахту на винокурне с двумя собаками.

– Я дождусь, когда вы уедете, и сниму с них намордники! – сказал тот, указывая на буль-догов.

Скотт кивнул и сел в свой «Рейндж Ровер». Когда родились близнецы, он с сожалением расстался с джипом «Патриот» и купил для Кейт чрезвычайно маневренный японский автомобильчик. На нем она могла пробираться сквозь дорожные заторы Глазго или Эдинбурга, но переезд означал, что теперь ей придется ездить по сельским дорогам – узким, а зимой – еще и заснеженным.

Выехав за ворота, он бросил взгляд в зеркало заднего вида. Собаки, освобожденные от поводков и намордников, носились по двору. Винокурню следовало надежно охранять, учитывая ценность содержимого в баках и медных перегонных кубах. Замена только одного из кубов создавала немыслимую проблему: большинство винокуров предпочитают ремонтировать их до бесконечности.

Скотт направился в Глазго, но сердце у него щемило. Со следующей недели он будет возвращаться в Джиллеспи по дороге, которую изъездил бесчисленное число раз, пока не отказался от собственного дома под предлогом, что ему нужна независимость, а на самом деле, чтобы сбежать от Амели.

– Все будет хорошо! – подбодрил он себя вслух. – Кейт будет довольна. В принципе, я тоже. Мне будет удобнее ездить в Гринок и особенно в Инверкип. Я смогу чаще заходить к Джорджу. Это прекрасная идея – вернуться домой.

Нельзя сказать, что собственные слова его сильно убедили, но он решил больше об этом не думать.

* * *

Сияющая Мойра последний раз прошлась тряпкой по комоду и осмотрелась. Всюду царил порядок и уют, а подоконник украшал букет из последних осенних роз.

– Ну вот, я закончил, – объявил Дэвид, входя.

Он устанавливал решетку наверху лестницы, пока Мойра готовила комнаты.

– Кейт правильно выбрала эту часть дома, – добавил он. – А там она только бы и делала, что ходила бы вверх-вниз.

Холостяцкая спальня Скотта – так же, как спальни Мойры и Дэвида, находилась на третьем этаже; Ангус с Амели размещались на втором, в правом крыле. Левое крыло было необитаемым с тех пор, как уехали Джон, Джордж и Филип, поэтому Кейт посчитала разумным переехать с близнецами туда.

– Для них это станет настоящим сюрпризом, – сказала Мойра. – Мы, конечно, здесь намучились, но оно того стоило!

С тех пор как Скотт объявил о возвращении в Джиллеспи, Мойра трудилась не покладая рук. Чтобы молодой паре было удобно, она попросила Дэвида вынести из комнат вниз одну мебель и поднять другую. Таким образом, к Скотту вернулся секретер из розового дерева, а к Кейт – ее туалетный столик. Выбранную для близнецов комнату перекрасили в бледно-желтый цвет, повесили новые шторы, положили большой мягкий ковер и поставили дополнительный обогреватель. Просторная угловая спальня Джона была переделана в игровую комнату. И наконец, в ванной комнате поставили новую ванну. Ангус за все заплатил не торгуясь, он был слишком счастлив приездом своих внуков.

– Когда они приезжали в прошлый уик-энд, это был какой-то бивуак, – вздохнула Мойра. – Теперь у них будет все как надо. Ты надежно установил решетку?

– Достаточно для детей такого возраста.

– Не хочу, чтобы возникли какие-то проблемы, и Скотт пожалел о своем решении.

– В любом случае, если ему будет здесь плохо, он не останется.

– Я уверена, что Амели постарается до этого не доводить.

– Будем надеяться.

– Она больше не воюет с ним. Какой ей от этого прок?

– Не знаю. Я никогда ее не понимал.

– Ее сыновей, которые сеяли склоки, здесь больше нет.

– И на том спасибо! Но ты все равно не убедишь меня, что она сменила гнев на милость. Не будь Скотта, все наследство Ангуса перешло бы к ней.

– Не говори таких вещей.

– Амели не может не думать об этом. Она женщина умная и с характером.

Он говорил спокойно, не повышая голоса, как человек, привыкший наблюдать за другими и делать умозаключения. Его место в семье было довольно неопределенным. Он был кузеном Ангуса и фактически управлял имением, но жалованья не получал. Ангус иногда давал

ему наличные на карманные расходы, словно бедному родственнику. Дэвид, не претендовавший ни на какой статус, все-таки стал незаменимым человеком в поместье. Молчаливый, очень независимый, он был благодарен Ангусу за то, что тот взял его к себе много лет назад, когда он уже едва не стал бродягой и алкоголиком. С Мойрой он был очень дружен – всегда приветлив и услужлив, а Скотта, которого знал с детства, любил безгранично. По этой причине он с недоверием отнесся к Амели, когда она объявилась в Джиллесли и привезла с собой четырех подростков. Потом он заметил, как эта француженка, свалившаяся им на голову, стремится взять в руки управление домом и отодвинуть Мойру на задний план. Он наблюдал за тремя невоспитанными братьями, которые сеяли вокруг хаос и раздор, в то время как Ангус делал вид, что ничего не замечает, лишь бы угодить своей молодой супруге. В тот день, когда она объявила, что беременна, Дэвид всерьез испугался за Скотта, представив, что теперь его окончательно вытеснят из семьи. Но у Амели случился выкидыш, и Скотт остался единственным сыном. Однако он все-таки уехал из дома, подальше от мачехи, которая приводила его в бешенство.

– Амели изменилась, – заметила Мойра. – С тех пор как она стала бабушкой, нрав у нее смягчился.

– Думаешь, она успокоилась?

– Вроде того. Скотт – ее зять, и, конечно, она больше не видит в нем врага.

– Дай-то бог.

Они обменялись долгими взглядами, а потом Дэвид отвернулся и взял свой ящик с инструментами. Прежде чем спуститься, он еще раз проверил, хорошо ли держится решетка. Когда ему поручали ответственное дело – а не только уборку опавших листьев или колку дров, – он выполнял его со всей тщательностью. На него можно было положиться, хотя никто не предоставил ему случая это доказать.

* * *

– Вот так! – торжествующе заключил Филип, закрывая багажник «Рейндж Ровера». – Надо просто правильно укладывать, и тогда все поместится.

Чемоданы и дорожные сумки были сложены в машину Филипа, а в машину Скотта загрузили детскую мебель и игрушки. Кейт выехала первая, с близнецами в автокреслах, которые заняли все заднее сиденье.

– Надеюсь, вы не передумаете и не вернетесь через две недели, уж больно эти сборы утомительны! – пошутил Филип.

Он вместе с Малькольмом вдруг сам предложил помощь в переезде. Мальчики были по-прежнему неразлучны, прожив вместе четыре года в абсолютном, ничем не омрачаемом, счастье. Объединенные страстью к рисунку и живописи, во время учебы они посещали музеи, выставки, галереи. Сейчас Филип пробовал себя в книжной иллюстрации, а Малькольм заканчивал свои первые картины.

– Я предупредил Мойру, что вы останетесь на ужин, – объявил Скотт.

– Теща будет весь вечер кукситься – пообещал Малькольм.

Тщетно Амели при встрече испепеляла его взглядом: Малькольм не обижался, его это даже забавляло. Родители относились к нему с нежностью, и несмотря на его жизненный выбор, у них были прекрасные отношения. Будучи единственным, притом любимым и избалованным ребенком в семье, он жил в полном согласии с собой и посмеивался, замечая чужие, подчас неодобренные взгляды.

– Ты действительно так ее называешь? – спросил Скотт, раздражаясь смехом.

– Только когда она грубит Филипу. Это моя месть. А ты. Как ты ее называешь?

– По имени. До встречи в Джиллесли?

– Послушай, ведь ты не собираешься выгружать весь этот скарб в одиночку? К тому же весь гардероб везем мы, так что если тебе завтра утром понадобится свежая рубашка, чтобы ехать на работу...

Как обычно, Филип и Малькольм бросили жребий, чтобы решить, кому садиться за руль, а потом плюхнулись в машину и рванули с места так, словно собирались устроить гонки со Скоттом, который с улыбкой смотрел им вслед. Их жизнерадостность передалась и ему, он был почти уверен, что впереди его ждет приятный вечер.

Скотт тронулся не спеша, задаваясь вопросом: правильно ли он поступил, предупредив о гостях Мойру, а не Амели. Роль хозяйки дома, за которую они исподволь воевали друг с другом, вообще-то принадлежала Амели. Однако речь шла о приготовлении ужина, что напрямую касалось Мойры. Какое место сможет занять Кейт рядом с двумя этими женщинами? Практические подробности не обсуждались, но кто будет заниматься покупками, составлением меню и кто за что будет платить? Скотт не собирался садиться отцу на шею. Им придется поговорить об этом вдвоем, чтобы в будущем не возникало никаких недоразумений.

Он въехал на шоссе М8, и его вдруг охватило дурное предчувствие, но прислушаться к нему он не успел, потому что на экране бортового компьютера появилось сообщение: «Приехала и совершенно здесь счастлива! Люблю тебя, К.». Его губы невольно расплылись в улыбке, и ему стало легче. Если он сделает Кейт счастливой, это вознаградит его за все, пусть даже у него возникнут какие-то проблемы. Интересно, что она сейчас делает. Может, поднимается по лестнице на бельведер, чтобы увидеть его машину издали, как раньше, когда она была пятнадцатилетней девочкой? А может, уже сбегала на кухню посмотреть, что готовит Мойра? Кажется, что Джиллеспи – ее настоящий дом, – каждый уик-энд, который они проводили здесь в течение трех лет, подтверждал ее привязанность к этому месту. Все ее долгие уединенные прогулки в отрочестве по песчаным равнинам и в лесу помогли ей прекрасно узнать эти земли. Она беседовала с пастухами и помнила клички их собак. Она знала наизусть все тропинки и даже в темноте легко могла бы найти дорогу домой. С ее помощью Ханна и Люк будут расти настоящими помещиками, пусть и скромными! Как это было со Скоттом. Довольный этой мыслью, он начал весело насвистывать.

3

В конце ноября начались первые столкновения. Прошло три недели, прежде чем Амели поняла, что приезд Кейт в корне изменил жизнь поместья. Ее дочь больше не была послушной и скромной девочкой; став матерью, она приобрела уверенность в себе и без колебаний возражала Амели, если была с ней не согласна. По отношению к детям она оказалась гораздо более требовательной, чем была в свое время ее мать, особенно с сыновьями. Кейт следила, чтобы они вели себя воспитанно, вовремя ели и ложились спать; зато вне дома она позволяла им резвиться, сколько душе угодно, при условии, что они будут под присмотром кого-нибудь из взрослых. Дэвид с радостью взял на себя эту обязанность, увлеченно делясь с близнецами своими познаниями о природе.

Ангус, со своей стороны, с некоторым опозданием понял, что ему всегда не хватало терпения с маленькими детьми и что видеть их время от времени куда легче, чем жить с ними бок о бок. Он вспоминал, что Скотт тоже был невыносим в этом возрасте, так что позже пришлось отправить его в интернат.

Мойра, наоборот, была на седьмом небе от счастья. Она безоговорочно одобряла Кейт за ее методы воспитания близнецов: даже когда они шумели или капризничали, Кейт не теряла спокойствия, оставаясь все такой же самоотверженной и нежной матерью. Глядя на нее в эти минуты, Скотт понимал, что в детстве был вполне счастлив, и к нему возвращались тысячи воспоминаний, казалось, навсегда похороненных в памяти.

Кейт отправила свои документы в ректорат, собираясь стать преподавателем французского языка. Одна из учительниц уходила в декретный отпуск, и Кейт почти сразу предложили временно ее заменить.

Школа Хатчесонов в Глазго славилась своей репутацией и объединяла учеников начальной и средней школы из всех слоев общества, серьезно относившихся к учебе. Обрадованная, Кейт поспешила принять предложение, на которое она даже не надеялась. Ей не терпелось применить на практике все, чему она научилась в университете, и проверить свои педагогические способности. Ее радовала перспектива наконец-то начать работать, особенно после разговора с Пат. Ждать по вечерам возвращения Скотта только для того, чтобы рассказать ему, как близнецы пописали и покакали, и ничего более, – теперь это казалось ей неприемлемым. Положив столько сил на получение диплома, она собиралась им воспользоваться на практике, но самым главным для нее было оставаться интересной для мужа. Удивлять его, интриговать, вызывать восхищение, остаться для него той самой единственной, в которую он был так влюблен.

* * *

– Тебе надо почаще тренироваться, – сказал Ангус, укладывая сумки для гольфа в багажник. – Ты такая способная, с тобой очень здорово играть!

– Ты же меня всему и научил, – с улыбкой ответила Кейт.

– Но нужно поддерживать форму.

– Обещаю, что буду выходить на поле хотя бы раз в месяц.

– Теперь, когда вы живете в Джиллесли, это станет проще. Сядешь за руль?

Он протянул ей ключи от машины и сразу же уселся на пассажирское сиденье.

Кейт показалось, что у него усталый вид, но она благоразумно промолчала: Ангус был очень мнительным и ненавидел говорить о своем здоровье.

– Мойра, наверное, уж кипит не хуже своих кастрюль, поехали скорее, – пробормотал он.

– Скотт уговорил ее приготовить хаггис⁵, она уже с самого утра занимается готовкой.

– Почему он не пришел поиграть с нами в гольф?

– Ему надо было немного поработать, – кстати, он оккупировал твой кабинет.

Ангус шутливо закатил глаза и ответил:

– Он начнет жаловаться на табачную вонь и открывать окна. Значит, когда я приду туда выкурить сигару, я буду мерзнуть. Почему он не заведет свой собственный кабинет? Уж места-то в доме достаточно!

– Думаю, он не хотел, чтобы это выглядело так, как будто он отстранил тебя от дел.

– Правда? Я ведь сам от них отказался и прямо ему об этом сказал. Он отлично справляется без меня, я даже думаю, что он больше не потерпит моего вмешательства. На корабле не может быть двух капитанов.

– И все-таки ему всегда интересно твое мнение.

– При условии, что оно совпадает с его собственным!

– Не только. Он очень уважает традиции и выслушает тебя, даже если ты будешь с ним не согласен.

Ангус засмеялся и отечески похлопал Кейт по руке:

– Я знаю, что ты видишь в нем одни достоинства. И ты права: он вежливо *выслушает* меня и только потом сделает то, что задумал.

Она не смогла подавить улыбку, заметив:

– Яблоко от яблоньки недалеко падает, как известно.

– Несомненно. В любом случае я предложу ему перенести папки с документами из моей курительной в другую комнату. Это единственное место, где я могу спокойно отдохнуть, даже твоя мать меня там не беспокоит.

– Ты ей запретил?

– Попробуй запрети ей! Вообще-то, она похожа на Скотта – тоже не любит запаха сигар. Это единственное, что их объединяет...

На этот раз они засмеялись вместе, довольные друг другом и тем, что нашли взаимопонимание.

– Завтра утром я иду к мессе, – добавил Ангус. – Хочешь пойти со мной?

Когда Кейт была подростком, она часто составляла ему компанию, и по дороге они вели долгие теологические споры.

– Хочу. И возьму детей.

– Прекрасная мысль. Чем раньше, тем лучше.

– Но ты же знаешь, я предоставлю им самим выбирать религию, когда они станут достаточно взрослыми.

Ангус одобрительно кивнул и замолчал, глядя в окно на убегающие пейзажи.

– Сейчас охота в самом разгаре, – пробормотал он наконец. – Надо успеть с куропатками до десятого декабря, потом будет разрешено охотиться только на оленей и зайцев.

– Ты часто охотишься?

– Сейчас меньше, чем раньше. Меня утомляет ходьба, да и холод тоже. Мне ведь уже давно не двадцать, дорогая моя!

И горько усмехнувшись, он поспешил сменить тему:

– Ты заметила, что Люк все больше становится похож на Скотта?

– Надеюсь, мама этого не замечает! – ответила Кейт и засмеялась.

⁵ Хаггис – национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов (сердца, печени и легких), порубленных с луком, толченым, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке.

– Она не видела Скотта в детстве. А я отлично его помню, у него была точно такая же мордашка. Я бы очень хотел видеть, как маленький растёт, да и малышка тоже. Вы ещё планируете детей?

– Пока нет. Я хочу сначала поработать в школе.

– Из тебя получится отличная учительница, я в этом уверен. Но я никогда не забуду ту девочку с косичками и в носочках, которая приехала сюда! Жизнь не стоит на месте, ты сама в этом убедишься!

Кейт медленно въехала на подъездную дорожку и, воспользовавшись моментом, бросила на Ангуса вопросительный взгляд.

– Все в порядке? Ты с самого утра какой-то мрачный.

– Извини. Я старею, приближается зима... Никогда не любил зимние праздники. Мэри, мать Скотта, попала в автомобильную аварию как раз в один из декабрьских вечеров. Представляешь, какое у нас было Рождество! С тех пор, как только приближается декабрь, мне становится грустно.

– Ты очень любил ее?

– Да. Хотя жить с ней было не так уж легко. Между прочим, с Амели тоже! Должно быть, я сам выбираю таких женщин. Хотя нет, я вообще никого не выбираю. Я никогда не был привлекательным, и если женщина показывала, что я ей нравлюсь, я немедленно влюблялся в нее.

– Так случилось и с мамой?

– Точно. И это продолжается. По-моему, она все так же красива, и даже стала милее. То, что мы теперь бабушка и дедушка, нас сблизило. Ну кто бы мог подумать, что у нас появятся общие внуки? Благослови вас бог за это, Скотта и тебя.

Казалось, он забыл о своей грусти, тем более что на крыльцо им навстречу вышла Амели.

Кейт смотрела, как мать спускается по ступенькам. Несомненно, она прекрасно выглядела в пятьдесят лет и казалась счастливой, а ее улыбка, обращенная к Ангусу, была искренней. И снова Кейт спросила себя, должна ли она рассказать ей о болезни Джона. До сих пор она хранила молчание, держа данное брату слово, однако не была уверена, что это правильно. Джон всегда был любимчиком матери и продолжал им быть, несмотря ни на что. Так, может быть, мать имела право знать, какая опасность угрожает ее сыну?

Глубоко задумавшись, Кейт вышла из машины и стала открывать багажник.

– Нужна помощь, юная леди?

Скотт появился сзади совершенно бесшумно и уже обнимал ее одной рукой, другой – хватая сумку для гольфа. Она прижалась к нему спиной, чувствуя его губы на своей шее.

– Ты не замерзла?

– Мы много ходили и согрелись.

– Ну а как гольф?

– Твой отец считает, что у меня очень неплохой уровень.

– Услышать от него такой комплимент дорогого стоит!

Скотт отпустил ее, взял еще одну сумку и пошел за ней к дому.

– Дети с Мойрой? – спросила Кейт.

– Нет, они с твоей мамой. Она решила, что в кухне слишком много опасностей, и усадила их смотреть мультфильмы. Когда я сказал ей, что есть и другие занятия, кроме телевизора, она меня прогнала.

Такие стычки происходили почти ежедневно. Амели щадилась свою дочь и не высказывала ей свои критические замечания, приберегая их для Скотта. Он не жаловался и только подшучивал над этим, но сколько еще он выдержит? Кейт была готова приложить все усилия и даже пойти на компромисс, чтобы совместное проживание было мирным, однако в случае ссоры она всегда вставала на сторону мужа.

– Я сама погуляю с ними, когда они поспят, – пообещала она.

– Дэвид тоже вызвался погулять с детьми! А ты проведешь сиесту со мной!

Он казался отдохнувшим и довольным уик-эндом, хотя все утро работал и наверняка завтра тоже проведет утро в делах. Не важно, что сегодня воскресенье – его мысли всегда были заняты винокурнями.

– Ты сможешь два часа обходиться без компьютера? – рассмеялась Кейт.

– Да хоть всю жизнь, если захочешь, но в таком случае нам придется жить любовью и чистой водой.

Он произнес последние три слова на французском почти без акцента. Он и до встречи с Кейт говорил на нем довольно бегло, но когда родились близнецы, стал уделять внимание произношению.

– Ты делаешь успехи, дорогой! – заметила Кейт, улыбаясь.

Их счастье нисколько не потускнело, они были влюблены так же сильно, как в тот день, когда впервые осмелились признаться в этом друг другу. Хотя у Кейт не было никакого опыта и Скотт был ее первым и единственным любовником, она прекрасно понимала, как ей повезло. Вокруг нее супружеские пары переживали взлеты и падения, разногласия и нередко – расставания. Но она с чисто детской наивностью поклялась себе, что с ней этого никогда не случится.

– Твой отец хочет, чтобы ты работал в своем собственном кабинете. Почему бы не устроить его в бывшей спальне на втором этаже? Тебе будет там спокойно: моя мать никогда туда не поднимается, дети тоже.

– Это его идея?

– По-моему, он воспринял это как вторжение на свою территорию.

– Но я же его терплю.

– Он больше слышать не желает о делах, ему хочется прийти и спокойно выкурить сигару.

– Почему он сам мне этого не сказал?

– Не хотел тебя обижать.

– Папа становится дипломатом? Нет, скорее, он стареет, и это меня огорчает.

Кейт не успела ответить: навстречу им с громким топотом неслись близнецы.

* * *

Джордж тщетно пытался вслушиваться в слова управляющего, он был в полной растерянности. Мысль о том, что скоро ему придется самому возглавить прядильную фабрику, приводила его в ужас. Он обнаружил, что ее функционирование гораздо сложнее, чем ему сначала казалось, а главное, ему придется иметь дело не только с цифрами, но и с людьми. Запоминать их имена, семейные обстоятельства каждого, чтобы быть человечным, отзывчивым руководителем, близким к своим служащим. Дональд повторял, что это – ключ к управлению коллективом. Мать Скотта в свое время установила доверительные отношения с работниками, и это пошло на пользу компании. Поэтому и Скотта, который нечасто появлялся на фабрике, работники очень ценили.

Для Джорджа главная трудность состояла в том, чтобы добиться одновременно и любви и уважения. Его тайное желание стать похожим на Скотта, чтобы сравняться с ним, а потом и превзойти, стало казаться ему несбыточным. Теоретические знания не подготовили его ни к принятию быстрых решений, ни к тому, чтобы нести персональную ответственность за все. Он считал, что Скотту повезло: тот с самого детства знал, что когда-нибудь возглавит бизнес своего отца, и поэтому у него было время к этому подготовиться.

Каждый день Джордж собирался с духом и обходил все цеха, силясь сохранять на лице улыбку, которая, как он считал, очень располагает к нему людей. Он старался изучить этапы, через которые здесь ежегодно проходили тонны шерсти: чесание, прядение, ткачество, вязание,

швейное производство. Некоторые загадочные машины – мотальная, например, – привлекали к себе его внимание, он осматривал красильные ванны и даже изучил от начала и до конца процесс изготовления кардигана.

Не подсунил ли ему Скотт троянского коня, возложив на него такую огромную ответственность? Может, он хочет его испытать? Или даже выставить на посмешище? Доказать Ангусу, что все сыновья Амели ни к чему не способны? Легкий привкус ревности превратился в назойливое ощущение. Однако он постарался отогнать от себя эти мысли. Чувствуя некоторую симпатию к Скотту, хотя она появилась совсем недавно, и зарождающийся в нем дух соперничества, он уже не знал, на что ему опереться. Тем более что перед Сьюзен, своей девушкой, он изображал молодого управленца, смело взявшего на себя новые полномочия. Чтобы не упасть в ее глазах, Джордж не стал доверяться ей, предпочитая в одиночку бороться со своими страхами. Он мог бы поделиться с братом Филипом, но опасался его ехидства. Впрочем, неразлучные Филип и Малькольм полюбили Скотта, который принял их с самого начала как обычную пару, и никогда его не критиковали.

Ко всем профессиональным проблемам добавлялось настойчивое желание Сьюзен жить с ним в его служебной квартире. Если он согласится, она сразу увидит, что ему не удастся роль начальника, как бы он ни старался ее убедить. В случае отказа Сьюзен пригрозила, что расстанется с ним, а где он найдет такую же очаровательную девушку, если сидит здесь, как привязанный, с утра до вечера и с вечера до утра?

И в довершение всего, приезды Скотта только усиливали его растерянность. Обычные вопросы зятя казались ему каверзными, и когда он видел, как тот исчезает в кабинете Дональда, ему казалось, что оба смеются над ним за закрытой дверью.

В то утро появление во дворе фабрики «Рейндж Ровера» вызвало у него привычное чувство вины и досады.

– Опять приехал, – пробурчал он сквозь зубы.

С тех пор как Скотт вернулся в Джиллсепи, он стал чаще появляться на фабрике при возвращении из Инверкипа. Джордж вполне мог бы оставаться у себя в кабинете, но он счел необходимым спуститься вниз, чтобы поздороваться со Скоттом.

– Привет, Джордж! Ну и холодрыга с утра! Я заскочил на пять минут, у меня дел выше крыши. Есть какие-нибудь проблемы?

– Нет, все в порядке.

– Отлично. Я загляну к Дональду и уеду.

Вместо того чтобы пойти за ним, Джордж стал слоняться по двору, дрожа от ледяного ветра. Может, следовало обсудить со Скоттом недостаточные запасы шерсти на складе? Стрижка овец происходила один раз в год – весной, и в исключительных случаях – еще через три-четыре месяца, поэтому в конце ноября в регионе было невозможно купить шерсть. Дональд уже поделился с ним своим беспокойством по этому поводу, добавив, что продукция фабрики востребована и заказов поступает очень много. Но он не предложил никакого выхода из этого положения, и Джордж задавался вопросом, не ждет ли Дональд решения от него? Вот только невозможно научиться всему за несколько недель! Дональд собрался увольняться слишком рано, и мысль о том, что он останется один на командном посту уже второго января, приводила Джорджа в ужас. Что, если ему придется просить Скотта о помощи каждый раз, когда возникнет проблема?

Он оперся на еще теплый капот «Рейндж Ровера» и глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Он должен сохранять спокойствие, не робеть, но и не допускать развязности.

– Тебе лучше вернуться в офис, иначе околеешь от холода! – заметил Скотт, выходя во двор. – Я жду тебя и Дональда послезавтра к обеду. Я приеду за вами. Хорошего дня, старик.

Взвизгнули покрышки, и Скотт исчез, оставив Джорджа в полном унынии. К чему этот обед? Отчитать его за то, что он оказался плохим учеником? А если у Скотта изменились

планы? У Джорджа мелькнула мысль о Джоне, который, появившись на винокурне несколько лет назад, мгновенно возненавидел свою работу. Тогда его неприязнь к Скотту превратилась в настоящую ненависть. Но Джон был на подсобной работе. Не имея диплома, он был вынужден начать с самого низа карьерной лестницы, тогда как Джордж сразу был назначен на важную должность. Вместо того чтобы жаловаться, он должен показать себя достойным своего места. И сохранить прекрасные отношения со Скоттом, а не считать его врагом. Это плохая стратегия.

Он почти бегом пересек двор, думая о том, что будет время от времени приезжать в Джиллесли на ужин. За семейным столом атмосфера более непринужденная, и, если ему понадобится совет, он сможет вытянуть его в дружеской беседе. Вернувшись в кабинет, он сел около радиатора и достал смартфон, собираясь позвонить матери и сегодня же напроситься на ужин.

* * *

Джон был убежден, что сестра без колебаний дала бы ему деньги, не находясь она под влиянием Скотта. Но даже если бы эти деньги не пошли на оплату лечения (Бетти объяснила, что все покроет медицинская страховка), Джон все равно нуждался в деньгах. Будучи опытным бухгалтером, Бетти умело распоряжалась их бюджетом, ни единая мелочь не могла ускользнуть от ее внимания, и Джон чувствовал себя совершенным ребенком. Конечно, жена обожала его, ограждала от проблем. Но такое поведение, в конце концов, напомнило ему то, как баловала его мать, вот только ему совсем не хотелось еще одной матери. В Бетти ему нравилось все: ее легкий характер, решительность в принятии решений, и особенно то, какими глазами она смотрела на него. Под ее взглядом он чувствовал себя красивым, притом что до сих пор большинство женщин не обращали на него внимания. Она была старше его на семь лет, и он даже не смел мечтать о том, чтобы очаровать ее. Но, однако же, она так легко упала в его объятия, что самомнение Джона подскочило до небес. Недолго думая, он заявил, что влюбился, и сообщил, что своей родиной считает Францию, по которой очень тоскует. Он спросил Бетти, поедет ли она с ним в Париж, прибавив, что они могли бы там пожениться, и она вмиг собрала чемоданы.

Уехав из Шотландии, Бетти словно вдохнула свежего воздуха. Благодаря ее сбережениям они сняли меблированную квартиру-студию. Молодая женщина без труда подтянула свой французский и быстро нашла работу. Воодушевленные планами на будущее, они поженились, но мало-помалу Джона настигла реальность: у него не было ни малейшего желания работать. Он должен был пройти какое-нибудь обучение, но ни к чему не проявлял интереса, должен был рано вставать, а это приводило его в ужас – словом, он должен был взять жизнь в свои руки, только для этого ему не хватало мужества. Безделье создало у него впечатление свободы, он мог праздно бродить по улицам своих излюбленных парижских кварталов, как во времена беспечной юности. Он не желал отказываться от искушений, которые возникали в его жизни. И пока Бетти зарабатывала им на жизнь, он развлекался. Иногда на него нападал энтузиазм, и он начинал строить разные экстравагантные планы, которые должны были привести его к успеху, но они так и оставались на стадии задумок. Не имея никакой сильной мотивации и даже просто каких-нибудь интересов, он продолжал бездельничать, а чтобы заглушить смутное ощущение вины, нередко баловался травкой и на время забывался.

В дождливые дни, когда он не выходил из дома, одним из развлечений становились карточные игры по интернету. Прилипнув к монитору компьютера, он часами резался в покер. К несчастью, его выигрыши полностью съедались проигрышами, и он начинал понимать, что таким образом никогда не разбогатеет.

Если он и изменил Бетти, то, скорее, от безделья, и наказание показалось ему слишком жестоким. Неужели ему действительно суждено умереть из-за пяти-семи минут сомнительного

удовольствия? Как всегда, он горько сожалел о последствиях своих действий, но совершенно не задумывался о том, чтобы устранить их причину.

Написав Кейт эсэмэску, он знал, что обратился по адресу, – по крайней мере, сестра его выслушает. Преподав неизбежный урок морали, она не останется безучастной, он был уверен в этом. Кейт с ее упрямым характером была способна нарушить молчаливое вето мужа, если чувствовала свою правоту. Горе и сострадание, которые она испытывает к брату, заставят ее помочь ему – достаточно будет немного надавить на нее, чтобы она дрогнула. Когда она приехала в Париж, Джон тут же позвонил ей, и его жалобный тон тронул сестру. Он попросил скромную сумму, которая морально поддержала бы его в такой трудный момент, но которая никак не вписывалась в скромный бюджет Бетти. Он представил свою просьбу так, словно это маленький секрет между братом и сестрой, который надо хранить во имя семейной солидарности. Кейт вздохнула, но не отказала, и Джон понял, что эту партию он выиграет. С ухмылкой он сказал себе, что получит деньги, принадлежащие Скотту, и этот парадокс позабавил его. Ненавистный шурин будет спонсировать его покер и походы по пивным, даже не подозревая об этом! От этой мысли Джон расхохотался, но быстро опомнился: его преследовал призрак болезни. Когда у него появятся первые симптомы? При очередном гриппе? Через два года? Или никогда? Измученный этими вопросами, он рыскал по сайтам и форумам, посвященным СПИДу, жадно ища ответы, которые все равно не приносили покоя. В эти дни, когда Бетти приходила с работы, он бросался в ее объятия и вцеплялся в нее, как утопающий. Она успокаивала его, ласкала, и они занимались любовью, благо упаковка презервативов всегда была под рукой. Рядом с ней к Джону возвращалась уверенность, он слушал, как она говорит об их будущем, о достижениях медицины, и пытался ей верить. Однако он чувствовал себя несчастным, да и Бетти, конечно, тоже.

* * *

– Далась вам эта дисциплина, Скотт, вы прямо солдафон какой-то! Если сегодня дети лягут спать немного позже, ничего страшного не случится.

Не обращая внимания на недовольство Амели и возмущенные крики близнецов, Скотт выключил телевизор.

– Осталось всего двадцать минут, – вступилась его теща. – Вы прерываете их на середине истории.

– Вам пора спать, – ответил Скотт, обращаясь к детям.

Люк затопал ногами, а Ханна расплакалась.

– Ну вот, – проворчала Амели, – довели детей до слез!

Скотт взял близнецов за руки и присел на корточки между ними.

– Не капризничайте, вам пора в кровать. Скажите бабушке спокойной ночи и поднимайтесь к себе, а я приду и почитаю вам на ночь.

Его способность всегда сохранять спокойствие выводила Амели из себя.

– Ах, делайте, что хотите, – бросила она с раздражением.

– Я и делаю.

Она дала близнецам себя расцеловать и сама принялась обнимать их, пока Скотт стоял и ждал. Атмосфера между ними особенно накалилась в преддверии рождественских праздников. Амели собиралась отметить Рождество по французскому обычаю – вечером двадцать четвертого декабря, а в полночь разбудить близнецов и сказать, что Дед Мороз принес им подарки. Скотт, напротив, хотел праздновать так, как принято в Шотландии: дети повесят длинные носки в ногах кровати и лягут спать. И на следующее утро найдут в них подарки. А настоящий рождественский ужин и неизбежную индейку с каштанами нужно приготовить вечером. В результате спора и при поддержке Кейт Скотт настоял на своем, но Амели все-таки

добилась своего «французского ужина» накануне Рождества. Мойра тут же пришла в ярость – ведь ей придется готовить праздничный стол два дня подряд! Чтобы всех утихомирить, Кейт пообещала, что одно из двух праздничных меню возьмет на себя. Обрадованный тем, что жена встала на его сторону, Скотт заявил, что таким образом будут соблюдены традиции обеих стран и все останутся довольны.

Амели наблюдала, как он выходит из комнаты, держа за руки обеих малышек, которые уже не протестовали и послушно шли с отцом. Как же Скотт раздражал ее, буквально выводил из себя! Одиннадцать лет назад, когда они впервые взглянули друг на друга, она увидела в его взгляде холод, отстраненность и почти презрение – он явно принял ее за авантюристку. Впоследствии их отношения остались враждебными, и, несмотря на брак с Кейт, несмотря на рождение близнецов, они продолжали ненавидеть друг друга. Как Амели могла подумать, что его возвращение в Джиллсепи ее обрадует? По глупости она вообразила, что сможет прибрать Кейт к рукам, но дочь больше не была робкой девочкой, любовь к Скотту раскрепостила ее, и командовать ею было невозможно. Совместное житье оказалось труднее, чем ожидалось. Конечно, дети привязались к Амели, которая сильно их баловала и позволяла всякие шалости. В таких случаях Скотт был вынужден брать на себя неприятную роль надзирателя, противопоставляя, таким образом, отцовскую суровость бабушкиной снисходительности.

– Мама?

Кейт с решительным видом вошла в комнату, и, чтобы избежать упреков дочери, Амели сразу бросилась в атаку:

– Почему твой муж такой упертый? Он не дал детям досмотреть мультфильм до конца и довел их до слез!

– Правда? Думаю, причина в том, что им пора было идти спать.

– А тебе бы понравилось, если бы у тебя вырвали из рук книгу, когда ты жадно дочитываешь последние страницы?

– Ничего общего. Им всего три года, они толком не могут понять сюжет. А тебе следовало бы перестать постоянно противоречить Скотту.

– Дорогая моя, пока вы работаете, близнецами занимаюсь я. Думаю, вам тут не на что жаловаться, и я тоже имею право на свое мнение. Я не наемный работник вроде твоей няни, которой вы платите в конце месяца!

– Как ты можешь такое говорить! – гневно возразила Кейт. – Я работаю только три дня в неделю, и все остальное время провожу дома. А еще есть Ангус, Мойра, Дэвид – так что ты не одна занимаешься с детьми. К тому же ты сама говорила, что хочешь видеть их постоянно!

Перед гневом дочери Амели сочла разумным отступить.

– Ты же знаешь, что я их обожаю, я так рада, что они здесь. Но ты не можешь помешать мне время от времени высказывать свое мнение, даже если это не нравится Скотту. Конфликт поколений существовал всегда, для семьи это нормально.

– Ты так считаешь? Ты обещала сделать усилие, чтобы Скотт...

– Я стараюсь! В любом случае больше, чем он.

Кейт скорчила недоверчивую гримасу, и Амели рассмеялась:

– Пойдем ужинать, дорогая. Обещаю тебе быть любезной с моим зятем и пасынком.

Каждый раз она вспоминала об этом обстоятельстве с видимым удовольствием и подчеркивала, что поскольку является дважды родственницей Скотту, он обязан и уважать ее в двойном размере.

– Для меня ваши дети – настоящее благословение, – добавила она, кладя руку на плечо дочери. – Ты знаешь, как тяжело я пережила потерю ребенка. Это была поздняя и незапланированная беременность, но я хотела сохранить ее любой ценой. Увы, Бог не дал мне такого счастья. Но близнецы в каком-то смысле стали моим утешением, потому что в них течет кровь Ангуса и моя. Понимаешь? Это примирило меня с судьбой.

На лице Кейт отразилось недоверие, и Амели вздохнула:

– Я очень люблю Ангуса, дорогая. Точнее, я научилась его любить. Признаю, что вначале я восприняла его как удачный шанс, который нельзя упустить. Он взял на себя расходы на ваше образование – твое и твоих братьев, в то время как ваш отец подло бросил семью. Ангус сделал это, не высказывая никаких претензий и ничего не требуя взамен. Когда мы потеряли ребенка, он очень старался, чтобы я снова начала улыбаться. Со дня нашей свадьбы он не переставал меня баловать. Он хороший человек, и постепенно я привязалась к нему. Сейчас мое чувство к нему прочнее, глубже, искреннее. Это не та любовь, которая бывает в твоём возрасте; в ней нет страсти, во всяком случае с моей стороны, но это прекрасный союз. Общий ребенок сблизил бы нас еще больше, несмотря на то что он был бы поздним. Конечно, если бы он родился, многое изменилось бы, особенно в вопросе о наследстве Ангуса. Ты знаешь, что он готов был изменить завещание?

На последних словах Амели понизила голос, как будто говорила о чем-то запретном.

– Я не знаю, – добавила она еще тише, – что будет со мной после его смерти. И у меня нет ни малейшего желания зависеть от милостей твоего мужа!

– Так вот к чему ты вела весь этот разговор, мама?

Кейт сурово посмотрела матери в глаза.

– Я почти на двадцать лет моложе Ангуса, – возразила Амели. – По всей вероятности, он уйдет первым, и я останусь практически ни с чем.

– Если бы ты не считала Скотта чудовищем, ты бы меньше волновалась. А что тебе сейчас мешает поговорить об этом с Ангусом?

– Ты думаешь, разговоры о будущей смерти поднимут ему настроение? К тому же, я знаю его намерения: он хочет, чтобы Скотт унаследовал Джиллеспи и весь семейный бизнес. Подчеркиваю: *весь*.

– Это его решение. Но в любом случае мы здесь – Скот и я, – чтобы тебе...

– Какая же ты наивная, дорогая моя! Ты воображаешь, что браки длятся до самой смерти? Тысячи людей разводятся – я сама тому пример, – и нет никаких гарантий, что в один прекрасный день между вами не случится конфликта. А если это произойдет, я окажусь на улице, и ты тоже, дуреха!

Кейт выпрямилась и смерила мать взглядом:

– Дуреха? Спасибо! Я люблю Скотта всей душой, и он отвечает мне тем же. Я верю в него и в наше будущее, и это вовсе не значит, что я глупа. И если вдруг судьба нас разлучит, я смогу зарабатывать на жизнь, потому что у меня есть профессия. Но пока я не чувствую, что *завишу от его милостей*, и никогда не буду пытаться присвоить часть его *имущества*.

– Сразу видно, что ты никогда не испытывала лишений и не опасалась за свое будущее! Ты судишь по опыту своих двадцати четырех лет: но у тебя был только один мужчина, и ты мало что знаешь о них.

Видя, что их препирательство рискует превратиться в ссору, Амели умолкла и, снова взяв дочь за плечо, со смехом поцеловала ее в щеку:

– Не будем больше спорить, Кейт. Я вспыльчивая, ты же знаешь... Мойра, наверное, уже заждалась нас и будет кукситься, если мы опоздаем!

Кейт не ответила на ее смех, но пошла следом.

* * *

В винокурне Инверкип Скотт в очередной раз порадовался тому, что с одобрения Грэма принял решение увеличить срок выдержки своего виски. Решение было довольно дерзкое, рискованное, требующее накопления запасов алкоголя, чтобы увеличить выдержку с двенадцати лет до пятнадцати. Выбирая этот путь, он шел против других производителей, которые делали

ставку на вкус, а не на возраст виски. Скотт выбрал высокие и узкие перегонные аппараты, обеспечивающие возврат конденсата, благодаря чему дистилляция была более полной, а алкоголь обладал более тонким запахом. В Гриноке он, напротив, оставил обычные перегонные кубы, производя виски с богатым сливочным привкусом. Мысль о том, что он продолжает отцовское дело, воодушевляла его. Во времена Ангуса традиции соблюдались свято, весь процесс сохранялся в неизменном виде вплоть до мелочей. Таким образом поддерживалось традиционное качество, но здесь не было места ни новым, современным технологиям, ни смелым экспериментам. Со своей стороны, Скотт, закончив обучение, воспользовался поездкой в Европу, чтобы получить более широкое и современное представление о предмете. Уважая знания и умения предков, он тем не менее считал, что сможет улучшить ситуацию, если не будет пренебрегать техническими новшествами. Кроме того, понимая важность маркетинга, он воспользовался новым всплеском интереса к виски, который превратился в повальное увлечение. Повсюду в мире оно оттесняло с главных позиций аперитивы и ликеры.

– Виски действительно очень хороший, – подтвердил Скотт. – У него тот самый вкус, которого я добивался! В этих дубовых испанских бочках он достигает идеального созревания.

Грэм слушал его, улыбаясь: он любовался Скоттом, когда тот говорил о работе.

– Чтобы не слишком рисковать, я не стал перестраивать склад. В какой-то момент у меня возникла идея сделать его более современным – с бетонным полом и множеством стеллажей, но в конце концов я решил оставить все как есть: с глинобитным полом, который дает влажность, и тремя стеллажами для бочек.

– Иными словами, ты сделал ставку, ничем не рискуя?

– Вроде того... Это первые бутылки, которые я смогу считать своими! До сих пор виски, который я продавал, производился при отце. Даже если он занимался своими винокурнями нерегулярно и многое доверял своим надежным сотрудникам, все решения он все равно принимал единолично. Когда я взял дело в свои руки, склады были еще полны его виски – и тем, что было готово к продаже, и тем, что еще созревало в бочках. А теперь я *произвожу все сам*. И в будущем это будет написано на каждой бутылке. Так что у меня нет права на ошибку.

Он улыбнулся Грэму и пододвинул к нему бокал:

– Давай дегустируй и скажи мне правду!

Грэм посмотрел на янтарную жидкость, наклонился и потянул носом, вдыхая аромат, а потом сделал глоток и замер в ожидании, когда его нёбо ощутит букет.

– У него пряный аромат и более сложный, чем раньше... он полнотелый, букет довольно богатый, во вкусе чувствуется кожа и гвоздика, а в послевкусии проявляются специи. Он действительно тебе удался, старик!

– Я рад, что тебе понравилось! – воскликнул Скотт, обрадовавшись, как ребенок. – А вот самое лучшее, сюрприз от шеф-повара...

И он торжественно водрузил на стол бутылку, которая до этого стояла у его ног на полу.

– Этикетка создана талантливым дизайнером для нашего пятнадцатилетнего виски, но, как видишь, она узнаваема и сохраняет дух Джиллеспи и Инверкипа.

– Она сразу привлекает внимание, – согласился Грэм, – и будет выделяться на фоне других.

Скотт в который раз взглянул на сине-золотую этикетку – такую знакомую, но все-таки другую.

– Самое большое изменение – это тисненая эмблема на бутылке. Стильно, правда?

Он вскочил с кресла и начал ходить по кабинету.

– Привлечь новых покупателей и не разочаровать наших преданных клиентов – вот моя цель. И я достигну ее, если увеличатся продажи, а чтобы узнать это, мне придется немного подождать.

Грэм сначала следил за тем, как Скотт ходит из угла в угол, а потом остановил его, схватив за запястье.

– Стой! У меня уже кружится голова. Это сработает, старик, я не переживаю ни за тебя, ни за это пятнадцатилетнее чудо.

– Я был уверен, что он недостаточно выдержанный, но ждать три года, чтобы получить доказательство, – это слишком долго.

– Да ты что? За это время ты женился, родил близнецов, и твоя жизнь всегда была чем-то наполнена. В каком-то смысле я даже немного завидую.

– Почему?

– Потому что ты увлечен своим делом.

Скотт вернулся в кресло и посмотрел Грэму в глаза.

– Тебе больше не нравится твоя работа? У тебя проблемы с Пат?

– Нет... Но я не испытываю вдохновения при управлении семейным имуществом. Это хорошая работа, к которой я отношусь серьезно, вот и все. Что касается моей маленькой семьи, мы счастливы, но из-за троих детей Пат перестала работать, и ее немного угнетает то, что она стала домохозяйкой. У нас действительно больше нет интересных бесед, потому что она сидит в четырех стенах, почти не общаясь с внешним миром. Вечером она уже измучена вконец, и я понимаю, что у нее нет желания показывать мне стриптиз. Я убеждаю себя, что все пары переживают периоды спада.

– Только не вы! Не позволяй рутине разрушить ваши отношения.

– А что тут поделаешь? У вас с Кейт есть семья, которая всегда поддержит и поможет, у нас ее нет. Мои родители в Южной Африке, родители Пат умерли.

– Ладно, оставь нам в следующие школьные каникулы Тома и близнецов. В Джиллеспии они будут играть вместе с Люком и Ханной, мы о них позаботимся. А вы устройте себе романтическое путешествие в какие-нибудь солнечные края. Прямо сегодня забронируй билеты на самолет и отель – это будет для Пат грандиозным сюрпризом! Поезжайте сразу после рождественских праздников, я уверен, что ты легко получишь отпуск.

В первую секунду Грэм выглядел ошеломленным, но тут же заулыбался.

– Если бы ты не был до сих пор моим лучшим другом, ты стал бы им теперь!

Воодушевленный неожиданным предложением Скотта, он указал на бутылку:

– Когда же это появится в продаже?

– Уже. Я начал поставки в наши торговые точки.

– Держу за тебя кулаки!

– Возьми эту бутылку и дай попробовать Пат.

– С удовольствием. Ангус уже протестировал?

– Нет, планирую ознакомить его вечером. Надеюсь, он не разнесет его в пух и прах...

– Иногда ему трудно угодить, но поскольку виски продается под его именем, меня бы это удивило. Во всяком случае, я тебе честно высказал свое мнение.

Многозначительно подмигнув, Грэм встал с кресла и взял бутылку. На пороге он обернулся и спросил:

– Я, кажется, забыл тебя поблагодарить?

– Не стоит благодарности.

– Нет, все-таки благодарю. За твой чистый солод и мой отпуск!

Скотт дружески помахал ему рукой, спрашивая себя: прав ли он, что, не посоветовавшись с Кейт, предложил Грэму привезти своих троих детей? Без сомнения, она собиралась воспользоваться школьными каникулами, чтобы отдохнуть, а теперь, конечно, в доме будет полный ералаш. И все-таки он знал ее доброту и верность в дружбе – конечно, она правильно поймет ситуацию.

При мысли о Кейт он, как всегда, улыбнулся. До сих пор их отношения не омрачались никакими разладами, и Скотт по-прежнему стремился к тому, чтобы его жена была счастлива. Кейт обладала цельным характером, добротой и решительностью. Она любила его так безоглядно, что он таял от счастья, но одновременно испытывал страх. Она не только всегда была желанна для него, ему хотелось защитить ее, уберечь от всех неприятностей. Если он будет бдителен, рутина повседневности, которая отравляет брак Грэма и Пат, не затронет их с Кейт. А значит, работа не должна занимать всю его жизнь! Скотт решительно выключил компьютер, хотя сначала хотел задержаться еще как минимум на час. Он все позднее и позднее возвращался в Джиллеспии, и это грозило создать проблемы там, где сейчас их не было. Конечно, управление двумя винокурнями, находящимися в десяти километрах друг от друга, не облегчало дела, и на прядильной фабрике он бывал не так часто, как хотел бы. Он посмотрел на часы: нет, сегодня ему никак не удастся встретиться с Джорджем. Что касается завтрашнего дня, то его график был слишком плотным, так что об этом нечего было и думать. Однако он не должен упускать из виду своего шурина, который все пыжится в роли управляющего. Не ошибся ли он с этим назначением? Скотт уступил, чтобы угодить Амели, и она перестала изводить Ангуса. Образование у Джорджа было приличное, его знания и умения вполне позволяли ему занять эту должность, но что-то шло не так.

Подходя к машине, Скотт решил позвонить Дональду и попросить его поработать еще несколько месяцев. Придется объяснить, что Джорджа пока еще нельзя оставлять одного.

* * *

Ангус отлично провел время с близнецами и очень гордился тем, что первым показал им, как великолепно собаки управляют овцами. Пастух, понимая, чего от него ждут, заставил своих бордер-колли окружить отару и погнать ее вперед на глазах «маленьких наследников Джиллеспии», как он называл их. Раскрасневшиеся от холода и возбуждения, Ханна и Люк приплясывали, глядя на это зрелище. Вернувшись домой, Ангус был вынужден на руках отнести детей по очереди в дом, так их утомила эта экскурсия. Он и сам был без сил и вдобавок продрог от ледяного ветра, который пронизывал его даже сквозь плотную ткань охотничьей куртки.

– Мои ружья легче, чем твои ребята! – крикнул он, входя в кабинет, где его уже ждал Скотт. – Я жутко вымотался, но оно того стоило...

Его бил озноб, и вместо того, чтобы сесть, он подошел к дровяной печи и протянул к ней руки.

– Что это? – спросил он удивленно. На углу письменного стола стоял бумажный пакет, а Скотт выжидательно смотрел на отца.

– Это подарок мне? Мы что-то празднуем?

– Может быть. Вот ты мне это и скажешь.

Забыв про холод, Ангус открыл пакет, вынул бутылку и, с изумлением уставившись на нее, пробормотал:

– А, это твой пятнадцатилетний виски...

Рассмотрев этикетку, он провел пальцем по тисненой эмблеме:

– Упаковка, должно быть, дорого тебе обошлась! Надеюсь, клиенты не останутся внакладе.

– Разумеется, недешево. Имя, герб и основные цвета остались прежними. Наш виски всегда будут узнавать в витринах издалека.

– А что касается вкуса?

– Предоставляю судить о нем тебе. В любом случае двенадцатилетний никуда не денется.

– И на том спасибо, – проворчал Ангус.

Скотт достал бокал в форме тюльпана и поставил его на передвижной столик, уже загроможденный бутылками разного виски.

– Не торопись и честно скажи, что ты думаешь, – попросил он отца.

– Ты имеешь в виду, что я могу быть пристрастным?

– Это не исключено.

– Ничего подобного! Мое нёбо не потеряло чувствительности, и я не стану лгать.

Он смотрел, как сын откупоривает бутылку и наливает виски на самое доньшко бокалов.

– Приятный цвет... А золотистый блеск свидетельствует о его выдержке.

Поднеся бокал к свету, Ангус медленно взболтал его, разглядывая следы стекающего по стенкам алкоголя. Потом вдохнул его запах – сначала одной ноздрей, потом другой и наконец попробовал, сделав крошечный глоток и подержав жидкость на языке в течение нескольких секунд. Когда он поднял на Скотта глаза, его лицо ничего не выражало.

– Добавь немного воды, виски раскроется и высвободит другие ароматы.

Скотт послушался, и Ангус сделал большой глоток.

– Богатый и пряный! – наконец вынес он свой вердикт. – Теперь он раскрылся и оставляет долгое послевкусие. Мне очень нравится.

– О! Вот это комплименты...

Скотт, сияя от радости, взял второй бокал, чтобы чокнуться с отцом.

– За нас, за наш виски!

– Мое мнение для тебя так важно?

– Как ты можешь сомневаться? Ты доверил мне две хорошие винокурни, и моя цель заключается в том, чтобы сделать их превосходными. Твоя оценка всегда будет для меня самой важной. Ведь, несмотря на курение, у тебя тонкий вкус!

Взволнованный Ангус посмотрел на сына с нежностью:

– Я тебе их не просто доверил, Скотт. Теперь это твои предприятия, а не мои. Кстати, по этому поводу у меня была небольшая... дискуссия с Амели. Ты ее знаешь, она все время о чем-то беспокоится, вот сейчас – о будущем. То есть о своем будущем – когда меня уже не будет. Она хочет чувствовать себя защищенной на случай, если...

– Имеется в виду, на случай твоей смерти?

– Полагаю, да. Но как раз то, что она хочет, я ей дать не в состоянии.

– И что именно?

– То, что в нашем роду предназначается тебе, моим внукам, – словом, моим наследникам. Она не придает значения нашим принципам наследования, а я не хочу говорить о них, чтобы избежать сцен. Надеюсь, придет время, и она все поймет.

– Так ты вообще ничего ей не сказал?

– Ничего. Однако она прекрасно знает, что я ни за что не стал бы дробить Джиллспи. Что касается винокурен, не беспокойся о них, после меня они позволят тебе получать средства на поддержание поместья, а при необходимости – расширять его, как это делал до меня мой отец. Когда я попытался напомнить Амели, как происходит наследование в нашей семье, она возразила, что если бы у меня было несколько сыновей, мне пришлось бы разделить Джиллспи. Вот уж нет! Не для того мы расширяем родовое поместье, чтобы потом резать его на кусочки! Вот я и не знаю, как ее «обеспечить» – это ее словечко. На самом деле, у меня нет такой возможности, и тебе известно почему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.